

А. В. СОЛОВЬЕВ

Заметки к «Слову о погибели Руския земли»

Вступление

Со времени опубликования «Слова о погибели Руския земли» Х. М. Лопаревым¹ прошло 66 лет. Несмотря на всю значительность этого памятника, о нем писали сравнительно мало, занимаясь главным образом археографическими и историческими вопросами: было ли «Слово» самостоятельным произведением или введением к житию Ярослава или Александра Невского, был ли автором его Даниил Заточник, каково значение «Слова» для создания легенды о Мономаховом венце и т. п. Отдельной монографии, посвященной оценке этого отрывка как чисто литературного произведения, до сих пор не появилось. Лишь с 1947 г. стали печататься отдельные статьи, посвященные этому «Слову». Посмертная статья М. Горлина имела целью доказать, что это не самостоятельное поэтическое произведение, а лишь вступление к утраченному житию князя Ярослава Всеволодовича.² М. Н. Тихомиров специально занялся вопросом о том, где и когда могло быть написано «Слово».³ В 1953 г. во французском журнале мы поместили статью, в которой стремились дать историческую и эстетическую оценку этого памятника.⁴ Наконец, в 1956 г. Н. К. Гудзий напечатал обстоятельную статью об этом «Слове».⁵

Н. К. Гудзий изложил вкратце мнения различных ученых, правильно отмечая «прежде всего радикальные расхождения в оценке литературных его качеств» и «недооценку литературных достоинств» памятника у целого ряда авторов. Он считает самым существенным вопрос о том, представляет ли «Слово» самостоятельное произведение, хотя бы лишь частично сохранившееся, или оно органически связано с отсутствующим повествованием о смерти Ярослава Всеволодовича, либо с житием Александра Невского. Основательно возражая против мнений Н. И. Серебрянского и М. В. Горлина, Н. К. Гудзий возвращается к мнению Х. М. Лопарева и приходит к выводу, что наиболее приемлемым является утверждение, что «Слово о погибели» было отдельным, самостоятельным

¹ Х. Лопарев. «Слово о погибели Руския земли». Вновь найденный памятник литературы XIII века. — ПДП, XXXIV. СПб., 1892.

² Michel Gorlin. Le Dit de la ruine de la terre Russe et de la mort du grand-prince Jaroslav. — Revue des Etudes Slaves, XXIII. Paris, 1947, стр. 5—33.

³ М. Н. Тихомиров. Где и когда было написано «Слово о погибели Руской земли». — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 235—244.

⁴ А. Soloviev. Le Dit de la ruine de la terre Russe. — Byzantion, t. XXII. Bruxelles, 1953, стр. 105—124. Впрочем, еще в 1937 г. мы напечатали небольшую статью на сербском языке с ритмическим переводом памятника: А. Соловьев. Песма о погибели Руске земле. — Страни Преглед, год VII (1937). Београд, стр. 274—279.

⁵ Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Руския земли». — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 527—545.

произведением. Перейдя к анализу статьи М. Н. Тихомирова, разделяющего то же мнение, Н. К. Гудзий убедительно доказывает, однако, что «Слово» не явилось откликом на Калкскую битву, которая не могла вызвать представления о «погибели всей Руси», и что остается в силе приурочение Х. М. Лопаревым этого памятника к 1238 г. Н. К. Гудзий справедливо возражает и против новгородского происхождения автора и считает более вероятным предположение Х. М. Лопарева, что автор «Слова» жил в Переяславском княжестве. Затем Н. К. Гудзий останавливается на вопросе об отношении «Слова о погибели» к «Слову о полку Игореве». Изложив указанные нами параллели между обоими произведениями и наше заключение, что «оба они, несомненно, продукт одной и той же поэтической школы», Н. К. Гудзий считает, что указанные параллели слишком общего характера и едва ли могут свидетельствовать о литературной связи обоих «Слов». Наконец, Н. К. Гудзий останавливается на трудном вопросе о пунктуации «Слова о погибели», в которой наблюдаются крупные различия между печерской и рижской рукописями. Приведя противоречивые мнения различных комментаторов, Н. К. Гудзий осторожно заключает: «Думается, однако, что ритмическая природа „Слова о погибели“ такова, что она требует ставшей уже традиционной пунктуации печерского списка».

Своей оценки «Слова» как художественного произведения Н. К. Гудзий, к сожалению, не дал.

Ввиду того что обстоятельная статья Н. К. Гудзия несомненно поднимет интерес к «Слову о погибели», мы предлагаем читателям наши заметки об этом памятнике. В них мы отчасти излагаем наши прежние соображения, появившиеся в редких иностранных изданиях, но приводим и ряд новых наблюдений над памятником. Надеемся, что эти несколько разрозненные заметки пригодятся будущему составителю монографии о «Слове о погибели».

1. Художественная форма и содержание «Слова о погибели»

Вполне соглашаясь с Н. К. Гудзием в том, что «Слово о погибели» есть самостоятельное произведение, мы должны отметить прежде всего его лиро-эпическую природу. Его даже нельзя назвать поэмой: до нас дошло лишь вступление, имеющее характер торжественного гимна в честь родины, и в этом отношении оно заслуживает особого внимания. Как правильно отметил Д. С. Лихачев, «ощущение родины как грандиозного живого существа, как совокупности всей родной истории, культуры и природы» с особой силой сказалось уже в «Слове о полку Игореве» и «этот широкий образ Русской земли пронизывает русскую литературу на всем протяжении ее развития. Теми же широкими приемами, что и в „Слове о полку Игореве“, описана в „Слове о погибели Русскыя земли“ XIII в. „светло-светлая и украсно украшена земля Руськая“». ⁶ Эту вкратце брошенную мысль следует развить подробнее.

Неизвестный поэт начинает с восторженного обращения к родине «удивленной», т. е. ставшей дивною своими многими красотами. В длинной ритмической фразе он перечисляет эти красоты, начиная прежде всего с родной природы.

Картина природы в «Слове о погибели» очень последовательна: она начинается со «многих озер», за ними следуют реки и кладези-источники,

⁶ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 63.

затем крутые горы, высокие холмы, всюду частые дубравы и дивные, плодородные поля. Это скорее северный пейзаж озерной полосы, где с холмов сбегает истоки рек, где среди березовых и хвойных лесов стоят кландези, блестит гладь озер и ширь полей, та страна, где встречают Весну счастливые берендеи Островского, т. е. жители Суздальской области.

За этой картиной природы, на главном ее фоне, идет перечисление живых существ в строго логическом порядке: различные звери и бесчисленные птицы населяют дубравы и леса, но люди уже создали великие города и дивные, богатые села, а в них и около них монастырские сады⁷ и церкви (вспомним прекрасную церковь Покрова на Нерли среди лугов). И как завершение этой картины выступают на первый план князья грозные, бояре честные, вельможи многие. Все это нарастание — постепенный переход от тихой природы к живым людям, от красочного фона широкой, безбрежной картины к главным героям будущей песни — обличает настоящего мастера слова с большим эстетическим чутьем. И нарастание звучности заканчивается торжественным аккордом: «Всего еси исполнена, земля Руская, о правоверная вера хрестиянская!»

Все перечисленные красоты и ценности слагаются в одно понятие Родины. В него входят и родной пейзаж, и родные селения, и родные люди, и политическая власть, и гордое национальное имя, и, наконец, сознание своего избранничества среди других народов.

Это сознание духовного избранничества наполняло уже светлым восторгом душу митрополита Илариона, гордившегося тем, что Русская земля «знаема и слышима всеми концы земли». Оно сквозит и в летописях, и в «Слове о полку Игореве», несмотря на все несчастья. В «Слове о погибели» оно выражено ярче, чем где-либо.

После этого величественного приступа, в котором понятие родины дано в красочных, экспрессивных образах, поэт переходит к ее более точному описанию. Он «точно раскрывает перед нами карту родины» (по счастливому выражению М. Н. Тихомирова) и указывает ее географические границы. Он не замкнулся в пределах своей северной Залесской Руси, но начинает с юго-запада. «Отседе до угор» — этим «отседе» скорее всего можно считать Киев, откуда до Карпат гораздо ближе, чем от Новгорода. Мы полагаем, что певец обозревает Русскую землю (мысленно или фактически) с «киевских гор».⁸ От угор он ведет границу «до ляхов, до чехов». В этом нет ничего удивительного: уже Х. М. Лопарев привел много примеров того, как часто в памятниках упоминаются рядом «угры и ляхи», а также «ляхи и чахи» в летописях и в сказании о Борисе и Глебе.

От ляхов и чехов поэт переходит к дикой ятвязи за Наревом и Неманом, известной со времени старого Владимира, и к родственной ей литве, от нее к немцам, укрепившимся с конца XII в. на Балтийском побережье, затем к кореле к северу от Невы и доходит до Устюга, где жили тоймичи: это финское племя, известное уже в уставе 1137 г. как данники Великого Новгорода,⁹ жило в Устюжском уезде, где и сейчас есть две реки — Верхняя и Нижняя Тойма. «И за дышючим морем» — это Белое море как часть

⁷ «Винограды обительные» можно толковать не в переносном смысле, а реально, как пример высокой земледельческой культуры. М. С. Грушевский указал, что виноградники были известны в Киевской области в XVI в. (см.: История Киевской земли. Киев, 1891, стр. 376, прим. 7); они могли существовать и в XIII в. Певец «Слова», если он и северянин, обнимает своим взором всю Русскую землю.

⁸ Так, полтора века спустя иерей Софоний Рязанец обращается к своим слушателям в Московской Руси: «Взыдем на горы Киевския и посмотрим славнаго Днепра и посмотрим по всей земле Русской».

⁹ «В Тоиме сорочек». — Памятники русского права, в. 2. М., 1953, стр. 117 и 121.

Ледовитого океана, где вздымаются, как живые, грозные валы. От моря поэт спускается на юг — до болгар, владевших в это время областью Камы и даже взявших Устюг в 1219 г., от болгар до буртас, до черемис и мордвы (с этими народами воевали Всеволод III и его сыновья). Все это было волею божиею покорено «крестьянскому языку», т. е. русскому народу, все эти «поганские» страны.

Это горделивое противопоставление избранного культурного народа окружающим его кольцом иноверным, по большей части языческим народам типично для средневековья и показывает, как национальное сознание обостряется на почве религиозных различий.

Интересно сравнить этот список соседей с первыми страницами Начальной летописи, так же ясно разграничивающей народности: «Се бо токмо словенск язык в Руси. . . а се суть иные языци, иже дань дают Руси. чюдь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печора, ямь, литва, зимегола, корсь, норова, либь, си суть свои язык имуще». Этот список составлен во времена Ярослава Мудрого. Через два века он несколько изменился: чюдь пропущена (она подчинена датчанам), меря, весь, мурома вошли в состав Русской земли, черемиса, мордва и литва остались, печеру и пермь заменили буртасы и болгары, а вместо зимеголы, корси, норовы и ливи, дававших дань Руси, появились новые их господа — немцы.

С этим перечислением соседей и данников связан третий отдел «Слова» — исторический, с подробностями об отношении этих соседей к Руси в недавнем прошлом. «Поганские» народы были будто бы покорны великому князю Всеволоду, властному главе Мономахова племени (1176—1212), отцу его Юрью князю Киевскому, т. е. Юрью Долгорукому, умершему на великокняжеском престоле в Киеве в 1157 г., и деду его Владимиру Мономаху. Эти три имени, три поколения достаточно легитимируют власть суздальских мономашичей (в том числе и Ярослава Всеволодича) и выражают неумиряющую идею единства распадающейся Руси.

С именем Мономаха связан целый ряд красочных, легендарных образов — это пожалуй самая интересная часть отрывка. Его именем половцы страшили своих детей в колыбели; можно вспомнить, как Ипатьевская летопись говорит о правнучке Мономаха, Романе Волынском: «бе изострился на поганья, яко лев, им же половци дети страхаху». Во всех этих образах заключена скрытая антитеза: прошлое величие и настоящее бессилие. При Мономахе литва не смела «выинкнуть» на свет из болот — теперь она осмелела и нападает на Полоцк, Торопец и Ржев. Тогда угры укрепляли каменные горы железными воротами, боясь Мономаха, теперь они притязают на Галицию, и Коломан даже коронуется в Галиче. Ноткой иронии врывается шутка: «а немцы радовахуся, далече будуче за синим морем». Действительно, во времена Мономаха немцы не появлялись еще на балтийских берегах, теперь они укрепились там, взяли Юрьев и угрожают Пскову и Новгороду. Восточные инородцы — буртасы, черемиса, мордва и вьда — бортничали на Мономаха, т. е. давали ему дань диким медом, теперь приходится воевать с непокорной Мордвой.

Наконец, последняя, самая интересная легенда: сам царь кир-Мануил опасался Мономаха и посылал ему великие дары, чтобы великий Володимер не взял у него Царьград. Об этой фразе в «Слове» писали больше всего, начиная с византиниста Х. М. Лопарева. Ясно, что это начало легенды о Мономаховом венце: сам базилевс послал великому князю богатые дары, среди них могла быть и корона. В похвале рязанским князьям есть похожая фраза: «во многих странах славно имя имяша, к греческим царем велику любовь имуща и дары от них многии взимаша». Если далекие рязанские князья получали многие дары в эпоху упадка Византии, то, ко-

нечно, царский внук Мономах мог получить еще более богатые в эпоху Комненов. Какое-то зерно правды тут есть. Любопытно, что «Слово» путает имена Комненов: вместо современников Владимира Мономаха, Алексея (1081—1118) и Иоанна (1118—1143), оно называет славного Мануила (1143—1180), гораздо более известного на Руси и оставшегося в нашем эпосе в виде царя Этмануила. Этот анахронизм доказывает, что певец «Слова» черпал не из письменных, а из устных источников, из богатого запаса дружинных песен, воспевавших подвиги и величие славного князя Владимира. Можно сказать, что почти каждая из приведенных фраз есть намек на известные слушателям песни: о Мономахе и половцах, о Мономахе и греческом царе и т. д. Их было, вероятно, немало. Сильно измененные следы их сохранились в былинах о Владимире Красное Солнышко и его богатырях.

Последняя фраза начинала новый, четвертый отдел отрывка: «А в ты дни болезнь крестьяном». В какие дни? Очевидно, не в эти последние (было бы сказано «в си»), а в отдаленные, предыдущие. Об этом дальше сказано точно: «от великого Ярослава и до Володимера», т. е. от смерти Ярослава Мудрого и до возвышения Владимира Мономаха. Это — нашествия половцев и княжеские усобицы второй половины XI в., разорявшие Русь и ее жителей. Как и «Слово о полку Игореве», наше «Слово» хотело вспомнить «давних времен усобицы», бывшие «болезнью» для христиан, чтобы подвести к трагической катастрофе, к нашествию татар, ставшему «погибелью» для Русской земли. Эти усобицы продолжались и «до нынешнего Ярослава». «Нынешний Ярослав», как «нынешний Игорь», — это здравствующий, главный герой задуманного «Слова». Оно, вероятно, хотело воздать должное его усилиям сохранить политическое бытие и единство Русской земли в самых тяжелых условиях. Нам кажется, что певец считает Ярослава великим князем киевским, прямым наследником его великих предков, перечисленных выше. То, что его старший брат Юрий скромно назван на втором месте, с титулом только «князя володимерского», дает возможность предполагать, что его уже не было в живых и что поэт назвал его, ибо желал рассказать о его смерти в битве на Сити, в этой трагической «погибели».

Трудно сказать, было ли написано продолжение «Слова о погибели». Возможно, что оно было записано в одном лишь экземпляре и сгорело в огне татарского нашествия, а сохранился лишь переписанный кем-то первый листок (40 строк умещаются как раз на двух страницах тетради). Возможно, что продолжение и не было написано — автор мог вскоре погибнуть в бою.

Одно несомненно: автор задумал «Слово о погибели Русской земли» — поэтическое произведение, задачей которого было воспеть былую славу родины в контрасте со страшным татарским нашествием; в этом произведении должен был играть главную роль великий князь Ярослав Всеволодич, к которому автор был близок. Все предположения о том, что «Слово» могло быть вступлением к житию Александра Невского или к гипотетическому житию его отца, не выдерживают критики. «Слово о погибели» было задумано и написано еще при жизни Ярослава. Оно является поэтическим произведением и должно быть рассматриваемо как таковое. Необходимой задачей становится его всестороннее исследование с точки зрения историко-литературной, стилистической и национально-политической. Несмотря на краткий объем отрывка, он должен занять почетное место в истории древнерусской литературы, являясь связующим звеном между «Словом о полку Игореве», «Задонщиной» и последующими былинами.

2. Национальное сознание в европейской поэзии средних веков

«Слово о погибели» чрезвычайно ценно, как яркое проявление национального сознания, наряду со «Словом о полку Игореве». В этом отношении оно занимает выдающееся место в современной ему средневековой поэзии.

Сравним «Слово о погибели» и «Слово о полку Игореве» с песней о Сиде, созданной в середине XII в. Конечно, поэма о подвигах Сида гораздо длиннее, в ней 3370 стихов.¹⁰ Но в них трудно найти ясную патриотическую идею. Вся песня посвящена прославлению данного героя, и героизм его довольно двусмысленный: он непослушен своему королю, изгнан им из всего Кастильского королевства, он является «бандитом» в правовом смысле этого слова. Собрав 60 таких же изгнанников, Сид воюет на свой страх, как наши казаки. Но на первом месте у него добыча, подробно описанная в поэме. Он воюет не только против мавров, но и против христиан: первое его нападение на эмира Толедского, данника кастильского короля, второе — на христианского графа Барселоны. Правда, дальше в поэме чувствуется пафос борьбы христиан против мусульман. Дружина Сида всюду носит имя «cristianos». Но национального чувства еще нет, нет нигде слова «испанец» (español). Родиной Сида является только Кастилия, туда он стремится вернуться: он с грустью говорит: «De Castiella la gentil exidos somos asa» (стих 672). Его государь Альфонс VI — это король Кастилии, подданные этого короля — кастильцы, и таковым чувствует себя сам Сид.¹¹ Рядом с королем Леона и Кастилии стоят король Наварры, король Арагонии, а большая часть Испании подчинена семи мусульманским королям. Феодалная раздробленность Испании уничтожает сознание национального единства народа. Имя Кастилии названо 24 раза, а Испания названа только 5 раз и то лишь как географическое понятие, название всего полуострова, унаследованное еще от римской эпохи. Так, перед первым набегом на Толедо Сид ободряет дружину словами: «Об их удаче будет говорить вся Испания». Затем, когда он взял в плен графа Барселоны, дон Ремонта, тот объявляет голодовку и заявляет: «Я не съем ни куска, каков бы ни был во всей Испании» (en toda Espana, стих 1021). Заметим, что подданные графа Ремонта, каталонцы, названы франками, вероятно потому, что их язык ближе к южнофранцузскому, или потому, что Каталония была одно время феодом Франции.

Во второй части поэмы, когда Сид жалуется королю Альфонсу на графов Гонзалец (yfantes de Carrion), опозоривших его дочерей, он обращается к королю со словами: «Merced, ya rey, el major de toda Espana» (стих 3271). Король Альфонс VI — самый сильный во всей Испании, но он назван тут же «король Кастилии и король Леона и Астурии» (стихи 2922—2923). Он еще не король Испании, а лишь отдельных ее королевств. Испания, разделенная на десять государств, еще лишь географическое понятие, и жители ее не испанцы, а лишь кастильцы, леонцы, галициане, португальцы и франки (каталонцы).¹²

¹⁰ El cantar del mio Cid. Texto, gramática y vocabulario por R. Menendez Pidal. I—III. Madrid, 1908—1911.

¹¹ Король Леона Альфонс VI стал с 1072 г. и королем Кастилии, что явилось крупным шагом на пути объединения мелких феодальных государств. Песня о Сиде называет его то королем Леона, то королем Кастилии и не нашла еще общего имени для объединения.

¹² Castellanos (748, 1067 — сам Сид, 495, 1790, 2976 — король, 2979 — бароны), leoneses (238), galizianos (1982, 2926), portogaleses (2978), francos (1002). Цитирую по прекрасному изданию Менендеца Пидалья.

* *

*

Германская литература XII—XIII вв. очень богата песнями миннезингеров: их насчитывается до 150, а число их песен достигает нескольких тысяч. Однако во всей этой литературе, воспевающей в духе провансальских трубадуров прежде всего «прекрасную даму», политических произведений немного. Если они есть, они касаются прежде всего императора, его борьбы против папы, иногда отдельных герцогов. Понятия родины в них трудно уловить.

Насколько мы знаем, единственным произведением, описывающим величие Германии и ее географические границы, является небольшое стихотворение известного Вальтера фон дер Фогельвейде, самого талантливого из миннезингеров.¹³ Это стихотворение, впервые опубликованное по рукописи романтиком Уландом, постоянно цитируется как пример проявления сильного патриотического чувства, и некоторые издатели XIX в. печатали его под заглавием «Германия выше всего» (*Deutschland über alles*), которого вовсе не было в подлиннике.

Написанное в 1220—1230-х годах, оно совпадает по времени со «Словом о погибели». Однако если мы его разберем внимательно, мы найдем сильные различия в содержании и в поэтической окраске.

В этом стихотворении всего 40 строк: оно опять-таки посвящено женщине, вернее немецким женщинам вообще (*Tiuschen frouwen*). Поэт видел много стран и много женщин, но пусть его поразит рок, если ему больше понравятся чужие обычаи. Для него немецкое воспитание выше всего:

Tiuschu zuht¹⁴ gat vor in allen
Von der Elbe unz an der Rin
Und her wider unz an Ungerlant
So mugen wol die besten sin
Die ich in der werlte han erkant.

Немецкий обычай во всем превосходит.
От Эльбы и до Рейна
И дальше до Угорской земли
Они, вероятно, лучше всех,
Каких я видел на свете.

Он восхваляет доброе воспитание и внешность немецких женщин и клянется, что они лучше всех остальных (*so swuere ich wol daz hie diu wip bezzer sint danne andere frouwen*).

И немецкие мужи хорошо воспитаны (*Tiusche man sint wol gezogen*), но немецкие жены прямо как ангелы. Кто с трудом ищет добродетель и чистую любовь, тот пусть придет в нашу землю: она полна прелести, я желал бы долго жить в ней, восклицает поэт.

Tugent und reine minne
swer die souchen wil,
der sol komen in unser lant; da is wünne vil;
lange müeze ich leben dar inne!

В этих стихах действительно высказано чувство любви к «нашей земле», трижды названо имя немцев (*Tiuschen*) и восхваляются немецкие жены и мужи. Но, как миннезингер, Вальтер исходит из культа женщины: страна у него лишь фон, она на втором месте. И если он намечает границы своей родины, то они весьма скромны: от Эльбы до Рейна. Он как бы от-

¹³ R. Pfeiffer. *Walther von der Vogelweide*. Dritte Auflage. Leipzig, 1870, стр. 39 и сл.; A. Lange. *Un trouvère allemand*. Paris, 1879, стр. 69—71.

¹⁴ Немецкое слово «*zucht*» трудно переводимо, ибо оно имеет несколько значений. Это прежде всего «разведение скота», затем «воспитание детей» (отсюда значения «благовоспитанность», «скромность»), но оно значит и «строгая дисциплина», отсюда *Zuchthaus* — «исправительный дом», *Zuchtarbeiten* — «каторжные работы». У Вальтера это слово скорее всего обозначает «добрые обычаи», «благовоспитанность».

казывается от Эльзаса и Лотарингии на западе, от Бранденбурга и Поморья на востоке. Границы едва намечены, о политическом величии он и не вспоминает в эту эпоху, когда Германия тоже была раздроблена и раздиралась внутренней борьбой. «Слово о погибели» гораздо более насыщено политическим содержанием и историческими воспоминаниями, чем этот мадригал для прекрасных дам, оставшийся все же самым сильным и чуть ли не единственным проявлением немецкого патриотизма в средневековой поэзии.

* *
*

Если так трудно найти проявление национального чувства в германской поэзии XIII в., то еще труднее обнаружить его у многочисленных французских труверов и трубадуров.¹⁵ Они на тысячи ладов воспевают своих дам и свою любовь и лишь изредка касаются политических событий в отдельных стихотворениях. Да и эти политические стихи говорят лишь о феодальных распрях: южные трубадуры восхваляют своих графов и враждебны северной Франции, а северные труверы воспевают то бретонских герцогов (Гю де ла Ферте), то других баронов (Гю д'Осси).

Редким исключением являются труверы, понимающие объединительную роль королей (Жен де Бетюн и Андре Контреди). У Андре Контреди можно найти и чувство национальной гордости, но только в двух строках:

Des pais est donc France la flor,
Se on se vuet loi aument contenir.

Во Франции XIII в. особенно заметно раздвоение между Севером и Югом, говорившими на разных языках (ланг д'ой и ланг д'ок) и раздиравшимися кровавыми войнами, приведшими к истреблению еретиков альбигойцев на Юге и вместе с тем к уничтожению особой национальной культуры некогда цветущего Юга. От богатой поэзии трубадуров остались главным образом лирические стихи в честь прекрасных дам. Политические песни «сирвенты» посвящены войне, жажде мести или добычи (Бертран де Брон), призывам к оружию и походам. Только у одного трубадура, Гвильельма Фигуейры, можно найти своеобразное политическое чувство: это обостренное чувство сепаратизма, ненависть к католическому Риму и к северной Франции с ее королями. Фигуейра надеется, что его граф Раймунд VII Тулузский накажет Францию за грехи Рима, что бог поможет Раймунду, который сдирает кожу с французов и мостит мосты их телами:

Roma, Dieus l'aon — e lh don poder e forsa
Al comte que ton — los Frances els escorsa,
E fa'n plance e pon — quand al els se comorsa.

И другой трубадур, Бернарт Сикарт (около 1230 г.), возмущается тем, что его земляки подчиняются французам (al Frances), которые их грабят. Он оплакивает свою южную родину, ее былую свободу:

Ai! Tolosa e Provensa
E la terra d'Argensa,
Beziers et Carcassey,
Quo vos vi e quo us vey!

Этот местный патриотизм южной Франции весьма знаменателен для XIII в.

¹⁵ Léon Gauthier. L'idée politique dans les chansons de geste. — Revue des Questions Historiques, VII. Paris, 1869, стр. 79—86; A. Lange. Un trouvère allemand, стр. 71—73.

* *
*

Следует указать еще на чувство патриотизма в средневековой итальянской поэзии. Разделенная на герцогства и городские республики, будучи объектом борьбы римских пап с германскими императорами, Италия находилась в политическом бессилии, но литература и искусства расцветали в ней пышным цветом. Народный язык побеждает латынь в поэзии, и в первых же стихах проявляется чувство родины, сперва ограниченное кругозором родной области. У поэтов 1260—1270-х годов мы найдем стихотворения, посвященные родной земле: «*Ahi dolce e gaia terra Fiorentina*», «*O dolce terra Aretina*», — восклицают они.¹⁶ Эти нежные строки напоминают возглас «О светло-светлая... земля Русская», но размах последнего гораздо шире, он охватывает всю родину, а не одну лишь провинцию.

Позднее великий Данте около 1300 г. в своей «Божественной Комедии» высказывает горячую любовь к Италии как идеальному целому, но он не написал гимна в ее честь, мы найдем у него лишь взволнованные горькие упреки:

*Ahi serva Italia, di dolore ostello,
Nave senza nocchiero in gran tempesta,
Non donna di provincia, ma bordello!*

(Purg. VI, 76)

Только в XIV в., у Петрарки можно найти гимны родине, которые по силе поэтического чувства приближаются к нашему «Слову о погибели». Около 1360 г. он пишет на родном языке «4-ю Канцону», обращенную «к вельможам Италии, чтобы побудить их освободить ее от тяжкого рабства». В ней мы найдем прекрасные строки, но это прежде всего субъективные чувства поэта, его воспоминания детства, его взволнованные симпатии и антипатии. Картина самой родины расплывается в его красноречивом энтузиазме:

*Italia mia, benché 'l parlar sia indarno,
A le piaghi mortali
Che nel bel corpo tuo si spesse veggio,
Piacemi almen, ch'è miei sospir' aian quali
Spera 'l Tevere e l'Arno
E 'l Po, dove doglioso e grave io seggio...*

Однако у Петрарки есть менее известное стихотворение на латинском языке, посвященное родине как целому.¹⁷ В апреле 1352 г. он возвращался из своего уединения в Провансе в Италию. С высоты перевала Альп он увидел холмы и поля родины в цвете весны и, позабыв ее несчастья, обратился к ней с вдохновенным гимном:

*Ad Italiam ex Gallis removens
Salve, chara Deo tellus sanctissima, salve,
Tellus tuta bonis, tellus metuenda superbis,
Tellus nobilior multum generosior oris,
Fertilior cunctis, terra formosior omni,
Cincta mari gemino, famosa splendido monte,
Armorum legumque eadem veneranda sacrarum,
Pyridumque domus, auroque opulenta virisque
Cuius ad eximios ars et natura favores
Incubere simul, mundoque dedere magistram.*

¹⁶ Первая строка принадлежит флорентинцу Кьяро Даваццати; ею начинается песня по поводу поражения при Монталерти в 1260 г. Вторая строка взята из стихов Гвитона из Арццо. М. Scherillo. *Le origini e lo svolgimento della letteratura italiana*, I. Milano, 1919, стр. 47 и 45.

¹⁷ *Epistola metrica III, 24*: М. Scherillo. *Le origini e lo svolgimento...*, стр. 276.

Мы опустим вторую часть этого послания: в ней сентиментальный поэт передает свои чувства, связанные с впечатлениями природы, с горными облаками и нежным теплым ветром родины. Приведем лишь последние строки:

Agnosco patriam, gaudensque saluto:
Salve, pulchra parens, terrarum gloria salve!

Остановимся на первой части, где родина описана во всех ее красотах. Как сказал один из последних исследователей, «поэт приветствует здесь Италию всех эпох, и римскую, и ему современную, зная все слабости и несчастья последней. Не надо его обвинять в преувеличениях, ибо он воодушевлен чувством, а искренность сердца допускает преувеличения ума».¹⁸

Сравнивая это послание с русским отрывком, мы найдем ряд любопытных совпадений. Оба гимна (можно их так назвать) начинаются с прямого обращения к родине: «Привет, дорогая богу, святая земля» — «О светло-светлая... земля». Мысль Петрарки о том, что его родина свята и близка к богу, выражена у русского поэта дальше, в словах: «о правдивая вера христианская... все покорено было богом крестьянскому языку». Это зародыш идеи «святой Руси», «земли свято-русской», столь близкой фонетически и семантически понятию «светло-русской земли».¹⁹ Петрарка говорит, что его родина «защита для добрых, грозна для гордых». Для русского поэта его родина полна «князьями грозными, боярами честными». Петрарка восхваляет Италию, как «плодороднейшую и прекраснейшую»: та же мысль выражена еще подробнее в русском гимне, в перечислении «дивных полей» и виноградников, бесчисленных птиц и зверей, прекрасных городов и сел. Петрарка говорит: «опоясанная двумя морями (двойным морем)»; русский поэт называет два моря как границы своей родины, а в тексте «Родословца» сказано прямо «от моря и до моря». У Петрарки родина «прекрасная знаменитыми горами»; русский поэт говорит с некоторым преувеличением: «удивлена... горами крутыми, холмы высокими». Вспоминая далекую славу римских легионов и римского права, Петрарка говорит: «почтенная своим оружием и законами». Русский поэт подробно говорит о военной славе Владимира Мономаха и мог бы упомянуть его законы в «Русской Правде». «Жилище Пиэрид» (т. е. муз) не нашло точной параллели в русском гимне, но он называет культурные центры — «дома церковные» и монастырские «обители». Петрарка повторяет: «богатая золотом и мужами»; русский поэт восхищен «великими городами, селы дивными... вельможами многими». Он мог бы упомянуть и «русское золото», известное «Слову о полку Игореве» и французскому эпосу XII в.,²⁰ но говорит в общих словах: «Всего еси исполнена, земля Русская». Петрарка заканчивает: «искусство и природа возвеличили тебя и сделали наставницей всего мира». У русского поэта его родина, просвещенная светом христианской культуры, подчиняет себе все «поганские страны».

Конечно, произведенное нами сравнение не дает возможности утверждать, что Петрарка вдохновился «Словом о погибели» или что, наоборот, «Слово о погибели» лишь подделка Х. М. Лопарева, знакомого по лекциям

¹⁸ Henri de Ziegler. Pétrarque. Genève, 1940, стр. 132.

¹⁹ Об этой связи между понятиями «светло-русской» и «свято-русской» земли мы писали недавно в статье: А. V. Soloviev. Helles Russland — Heiliges Russland. — Festschrift für Dmytro Cyževskij zum 60. Geburtstag, Berlin, 1954 (= Slavistische Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin, Bd. 6), стр. 282—289.

²⁰ «Ne le ferai pour tout l'or de Rousie» и т. д. (G. Lozinsky. La Russie dans la poésie française du Moyen Age. — Revue des Etudes Slaves, IX. Paris, 1929).

Конечно, это деление не окончательное. Например, в стихе «а литва» цезуру можно поставить перед словами «на свет», тогда схема стиха будет: 7 + 8 слогов; можно иначе распределить некоторые последние стихи.

Но нам кажется, что в общем это деление правильно и что нас не должно удивлять неравное количество слогов в стихах (от 10 до 16) и в их частях (от 4 до 9). Отметим, что испанская поэма о Сиде (сохранившаяся только в одной рукописи начала XIV в.) отличается той же неравносложностью, что и наши былины и «Слово о погибели». Лучший знаток испанской средневековой литературы Рамон Менендез Пидаль произвел подробный анализ ритма этой поэмы.²² В ней преобладают стихи в 14 и 15 слогов (первых он нашел 270 на тысячу, вторых — 216), но достаточно много стихов в 13 и 16 слогов (187 и 115 на тысячу). Наконец, встречаются и краткие стихи в 12, 11 и 10 слогов (93, 27 и 6 на тысячу) и, с другой стороны, длинные стихи в 17, 18, 19 и даже 20 слогов (37, 22, 12 и 2 на тысячу).²³ Несмотря на это разнообразие, писец XIV в. переписал поэму как стихи, начиная каждый стих с новой строки и с заглавной буквы, и все современные исследователи не сомневаются в том, что это стихи, причем каждый стих делится цезурой на два полустишия. Стихи заканчиваются ассонансами: рифмуют лишь гласные, а не согласные.

Опять-таки число слогов в полустишиях весьма разнообразно. Р. Менендез привел интересную таблицу полустиший, насчитав в них 52 вида различных сочетаний числа слогов, которые он сводит к 10 основным классам. Достаточно указать, что чаще всего встречается полустишие в 7 слогов (327 раз как первое, 453 раза как второе полустишие), затем в 8 слогов (166 раз как первое, 328 как второе полустишие) и в 9 слогов (51 как первое, 73 как второе полустишие). Встречаются часто и более краткие полустишия в 6 слогов (266 как первое, 89 как второе) и в 5 слогов (130 как первое и лишь 5 раз как второе). Наконец, почти как исключение попадаются полустишия в 10 слогов (18—23), в 4 слога (4—3) и в 11 (3 раза), 12 и даже 13 слогов (по 2 раза).

Различные сочетания этих полустиший дают 52 разных вида стихов. Самым частым является стих в 7 + 7 слогов, но все же таких «правильных» стихов всего лишь 15.2%; стихи в 6 + 7 слогов составляют 12.15%, а стихи в 7 + 8 слогов — 11.34%. Все остальные сочетания дают в убывающем порядке: 6 + 8 слогов — 9.32%, 8 + 7 слогов — 8.2%, 5 + 7 слогов — 6.07%, 8 + 8 слогов — 5.68%, 5 + 8 слогов — 4.15%, 6 + 6 слогов — 2.63% и т. д. Отметим, что второе полустишие часто длиннее первого, но и первое может быть длиннее второго.

на счету друг у друга, как великий народ, широко разлившийся по великой равнине. А русская равнина лежала нетронутая, девственная, простая, как сама душа народа. В летописи, в Слове о полку Игореве, в Слове о погибели Русской земли мы чувствуем, как созерцает русская душа свою равнину. Она представляется русским людям привольная, свободная, удивленная большими озерами, покрытая дремучими лесами на севере, цветущая степными цветами на юге, прорезанная во всю длину серебряными нитями Днепра и Волги, ограниченная только каменными горами Карпат и Урала, а на юге — Синим морем и синим Дунаем» (В. Н. Шепкин. Душа русского народа в его искусстве. — Воля России. Прага, 1929, кн. 8—9, стр. 32).

²² Cantar de mio Cid. Texto, gramática y vocabulario por R. Menendez Pidal, vol. I. Madrid, 1908, стр. 76—104. Огромный труд Менендеца мог бы послужить образцом для окончательного издания «Слова о полку Игореве»: в первом томе (420 стр.) — подробная монография об истории, стиле и грамматике памятника, во втором (480 стр.) — азбучный словарь всех встречающихся в поэме слов с подробными объяснениями, в третьем (270 стр.) — издание текста с примечаниями и его реконструкция.

²³ В поэме 3735 стихов, но Менендез не решился анализировать стихи, где встречаются рядом две гласные, ибо неизвестно, считать ли их за два слога или за один, как у Данте; поэтому Менендез взял лишь 987 стихов, без зияния.

лишь сопоставить полностью текст списка XV в. (псково-печерского) в пунктуации Х. М. Лопарева с позднейшим, рижским списком XVI в.

Печерский список

Рижский список

О светло-светлая | и украсно украшена
земля Русская!

И многими красотами | удивлена еси:
озера многими | удивлена еси,
реками и кладязьми | месточестными,
горами крутыми, | холмы высокими,
дубравами частыми, | польми дивными,
зверьми различными, | птицами
бещисленными,
города великими, | селы дивными,
винограды обительными, | дома
церковными,
и князьми грозными, | бояры честными,
вельможами многими!
Всего еси исполнена, | земля Руская,
о прававерная вера | християнская!

О светло-светлая | и украсно украшена
земля Руская!

И многими красотами | удивлена еси:
озера многими | удивлена еси,
реками и кладязьми,
месточестными горами, | крутыми холмы,
высокими дубравами, | чистыми польми,
дивными зверьми,
различными птицами бещисленными,
города великими, | селы дивными,
винограды обительными, | дома
церковными
и князьми грозными, бояры честными,
вельможами многими!
Всего еси исполнена земля Руская |
О прававерная | вера християнская!

В перечислении по пунктуации Лопарева чувствуется ясно выдержанный ритм двучастных долгих стихов и наблюдается выразительная позиция эпитетов, последовательно проведенная пятнадцать раз в одной фразе.

В младшем списке перечисление начато с постпозиции: «озера многими», но затем «реки и кладязи» почему-то остались без эпитета и повисли в воздухе как отрывок стиха; следующие четыре объекта имеют эпитеты впереди, «птицы» имеют почему-то два эпитета, и спереди и сзади: «различными птицами бещисленными», а затем семь эпитетов стоят все-таки после определяемых слов. Такая путаница не могла принадлежать поэту, а лишь невнимательному переписчику, начавшему ставить точки не на месте, а затем спохватившемуся и последовавшему за своим оригиналом. Такая пунктуация не только нарушает ритм поэмы и искажает его выразительный стиль. Она нарушает и требования логики — «месточестные горы» не имеют никакого смысла, тогда как «реки и кладязи месточестные» вполне понятны. Славяне издавна почитали реки, а особенно их источники (так надо понимать «кладязи» — ключи). Это почитание сохранялось и в христианскую эпоху. Достаточно вспомнить Игначь крест, поставленный в 1155 г. в верховьях Волги, и часовни, стоявшие еще недавно на истоках рек, например той же Волги. «Горы крутые» — это эпитет, известный народной поэзии; мы найдем его, например, в песне о Горе: «Я пойду с горя во круты горы».²⁷ Эпитет этот перешел даже в поговорку: «Укатали сивку крутые горки». Между тем «крутые холмы» довольно необычны, ибо холмы обычно пологие; эпитет «холмы высокие» более осмыслен. «Высокие дубравы» тоже необычны: гораздо понятнее «дубравы частые», как прочел слово под титлом еще Х. М. Лопарев, нашедший в одном рукописном тексте параллель: «и влезе в дубраву часту». Писец рижского списка прочел «чистыми» и отнес этот эпитет к полям. Правда, «чистое поле» знакомо народной поэзии, но всегда в смысле необработанной, безбрежной степи.²⁸ Между тем певец «Слова»,

²⁷ В стихе о Егории Храбром: «Зароститесь вы, лесы, по всей земле светло-русской, по крутым горам по высоким». (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I, стр. 511).

²⁸ «Поезжай-ко ты в раздольце чисто поле», «поехали они в чисто поле поляковать», «не езди далеко во чисто поле» и т. д. (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I, стр. 9, 196, 149). В «Повести об Азовском сидении»: «уже нам... дикого зверя в чистом поле не стреливать» (см.: Н. К. Гудзий. Хрестоматия, изд. 6. М., 1955, стр. 370).

восхищенный земледельческим освоением родного края, конечно, думает об урожайных полях и потому (с некоторым преувеличением) говорит: «полями дивными. . . селы дивными». Опять-таки, Х. М. Лопарев уже указал на эпитет «дивное поле» в «Каликах переходящих» П. Безсонова. Наконец, «зверьми различными, птицами бесчисленными» гораздо логичнее, чем «дивными зверьми» (разве лютые звери могут быть дивными?) и «различными птицами бесчисленными» (неуклюжее сочетание эпитетов).

Мы полагаем, что пунктуация печерского, старейшего списка хотя и недостаточна, но более правильна: рижский списан с него довольно невнимательно и вообще дает лишь худшие чтения. Для восстановления правильного чтения с ним считаться не следует. Впрочем, сам Н. К. Гудзий, после некоторых колебаний, приходит к выводу, что лучше следовать за пунктуацией Х. М. Лопарева, «при которой выдерживается единство и стройность ритма», а это главное в поэтическом произведении. Мы только постарались доказать, что и «требования отвлеченной логики» вовсе не говорят в пользу пунктуации рижского списка.

Что касается самого текста, то мы считаем, что в тексте «Слова о погибели» следует сделать три исправления.

1) Изменить фразу «от угор и до ляхов до чахов» на более логическую: «от угор до чахов, от чахов до ляхов, от ляхов до ятвязи». Это правильный географический порядок, а что так стояло в протографе «Слова», видно из того, что в тексте «Родословца» стоит «угрове, и чахи, и ляхи, и ятвязи» (тот же порядок в тексте Степенной книги и у Каменича-Рвовского). И даже в весьма краткой цитате в Белозерском списке «Задонщины» стоит «до черемисы, до чахов, до ляхов». Очевидно, в оригинале «Слова о погибели» чехи предшествовали ляхам, а довольно невнимательный переписчик нарушил этот порядок.

2) Вместо «каменные городы» мы предлагаем читать «каменные горы». Образ гор, замкнутых металлическими воротами, известен той эпохе. Вспомним «Железные ворота» на Кавказе и рассказ Повести временных лет под 1096 г. о немом народе за Уралом, «заклепленном» еще Александром Македонским: «. . . соступишася о них горы полунощныя. . . и створиша врата медьная», а перевалы Карпат считались именно «угорскими вратами»; так, фра Юлиан пишет, что он в 1238 г. въехал верхом (через Русь и Польшу) «во врата Угрии» (*Ungarie portas intravit, et tamen per Ruciam et Poloniam eques venit*). Переписчик не понял эпического размаха этого образа — железные ворота в каменных горах — и приставил выносное «д» над словом «горы».

3) Третьим исправлением, предложенным еще Лопаревым, является «полошаху» (или «страшаху») вместо «ношаху». Заметим, что местоимение «которым» согласовано с именем Мономаха и стоит в творительном падеже единственного числа, что никак не согласуется с глаголом «ношаху» — очевидно ошибкой переписчика.

5. Где и когда было написано «Слово о погибели»

Труднее всего решить вопрос о том, где и когда было написано «Слово о погибели». По этому поводу мы высказали несколько предположений в нашей французской статье, сданной в печать в 1952 г. Лишь после того нам удалось ознакомиться со статьей проф. М. Н. Тихомирова, специально посвященной этому вопросу. Он справедливо говорит: «Автор точно раскрывает перед читателями карту Русской земли в первой половине XIII в. и последовательно называет ее соседей. Он бросает свой взор на эту карту

„отселе“, так и не раскрывая перед нами, что это за место, откуда — „отселе“ — он ведет свой обзор русских рубежей». ²⁹

Приводя целый ряд летописных известий, М. Н. Тихомиров приходит к выводу, что «географические термины автора и его политические намеки ведут нас опять к определенному времени — ко второму-третьему десятилетиям XIII в., к определенным лицам — князьям Юрию и Ярославу Всеволодичам». Ему кажется, что «Слово» было создано после битвы на Калке и что Новгород и был тем «отселе», откуда смотрел на Русскую землю автор «Слова». По его мнению, «„Слово о гибели“ возникло еще до Батыевой рати, поэтому в нем и не упоминается о татарах, возникло при жизни Юрия Владимировича и при княжении в Новгороде Ярослава Всеволодича, „нынешнего Ярослава“, может быть, около 1225 года». Это мнение было уже высказано в 1929 г. А. И. Соболевским.

Н. К. Гудзий основательно возразил, что трудно согласиться с этой датировкой. «О гибели Русской земли северянину естественнее всего было говорить после тех потрясающих татарских опустошений, которые начались с 1237 г.». Если в «Слове» не упоминается о татарах, то это не является доказательством, что оно написано после битвы на Калке: ведь и в этом случае, по нашему мнению, следовало упомянуть татар. Н. К. Гудзий правильно указывает, что «Слово» дошло до нас в незаконченном виде и что о татарском нашествии должна была идти речь в продолжении произведения: иначе непонятно самое заглавие «Слово о гибели Руския земли».

Н. К. Гудзий считает, что «Слово» написано не в Новгороде, а скорее всего в Переяславле, до битвы на Сити 4 марта 1238 г., так как в нем Юрий, а не Ярослав назван князем владимирским. Мы также считаем, что «Слово» не могло быть написано в Новгороде. Если в нем названы соседи Новгорода — немцы, литва, корела, тойма, то это можно объяснить тем, что все эти народы были объектами походов Ярослава, и его певец помнил их, ибо, вероятно, сопровождал князя в этих походах и мог написать свою поэму в другом городе.

М. Н. Тихомиров утверждает: «Нет никакого сомнения, что автор „Слова“ пользовался какими-то южнорусскими источниками, причем эти источники не были ему вполне понятны». М. Н. Тихомирову неясно, почему поэт вспоминает об уграх, и он создает сложную гипотезу: под 1218 г. в Новгородской первой летописи сказано, что Мстислав Удалой отправился из Новгорода в Галич и победил «галичан и чехы и ляхы и моравы и угры». Создались условия, при которых южнорусская письменность легко могла проникнуть на север. Затем, в 1223 г., произошли три печальных события: 1) взятие Юрьева немцами, 2) нападение литовцев на Старую Руссу и 3) битва при Калке. Заключение «Слова» «а в ты дни болезнь христианом» могло злободневно звучать после битвы на Калке, когда усилились нападения «„поганных“, т. е. немцев и литовцев, от которых больше всего страдала Новгородская земля». Новгород и был тем «отселе», откуда смотрел на Русскую землю автор «Слова». Понятна осведомленность автора «Слова» о дышущем море и поганных тоймичах, куда постоянно совершались новгородские экспедиции, о немцах, об уграх, о литве.

Однако мог ли Новгород быть этим «отселе»? Взглянем на географическую карту: от Новгорода до Венгрии 1100 км. Почему, если певец смотрел из Новгорода, он не стал описывать его соседей — чудь, немцев,

²⁹ М. Н. Тихомиров. Где и когда было написано «Слово о гибели Русской земли», стр. 236.

литву — и постепенно идти дальше к югу, а сразу сделал огромный нелогичный скачок до угров, чтобы затем постепенно возвращаться к северу? Заметим, что юго-западная граница Руси у него очень точна: угры, чехи (ибо Галицкое княжество граничило в Карпатах с Чехоморавской землей), ляхи, ятвязь и литва. Пять соседей точно названы, ни один не забыт. Но дальше, когда он приближается к Новгороду и Пскову, его точность исчезает. Повесть временных лет знает в этих пределах соседей и данников Руси: корсь, норову, либь, зимеголу, чудь, весь, ямь. Певец «Слова» не называет ни одного из этих племен, хотя они должны были быть известны в Новгороде, он говорит лишь «до немец» и от немцев делает скачок через Финский залив «до корел». Между тем новгородские летописи постоянно упоминают чудь (эстов) как своих соседей, к тому же чудь подчинялась в это время не немцам, а датчанам, которых певец «Слова» тоже забыл.

Совершенно не нужно предполагать, что певец пользовался «какими-то южнорусскими источниками» и что благодаря Мстиславу Удалому они могли проникнуть на север. Южнорусская письменность всегда проникала на север, ибо в эту эпоху было единство письменности: киевские церковные и светские памятники постоянно переписывались и на севере. Но в данном случае не письменность питала певца: он воспитывался на княжеских и дружинных устных преданиях. Каждый княжеский певец хранил в своей памяти всю родословную Рюриковичей, особенно ветви своего князя, помнил о походах и победах князей, о соседях и данниках Русской земли. Географическая осведомленность певца «Слова о полку Игореве» известна; такова же осведомленность второго певца. Ни одному из них не надо было пользоваться письменными источниками. И по нашему мнению, географические термины и политические намеки певца ведут нас к суздальским мономахичам, а именно к сыновьям Всеволода Большое Гнездо.

Надо обратить внимание на последние слова отрывка: «от великого Ярослава и до Володимера (Мономаха) и до нынешняго Ярослава и до брата его Юрья князя Володимерьскаго». Автор «Слова о полку Игореве» совершенно так же говорит: «от стараго Володимера до нынешняго Игоря». Нынешний — это здравствующий, главный герой песни. Можно полагать, что певец «Слова о погибели» хотел воспеть, на фоне прошлого величия Русской земли, ее нынешнего великого князя Ярослава, подчеркнув легитимность его наследственной власти в восходящем ряду предков: великий князь Всеволод III, отец его Юрий князь Киевский, дед Володимер Мономах.

То, что Юрий Всеволодич скромно назван «князем володимерским», не назван «нынешним» и поставлен после своего младшего брата Ярослава, дает возможность заключить, что «Слово» написано после битвы на Сити 4 марта 1238 г. После этой катастрофы, среди страшной «погибели Руской земли» Ярослав остался в живых, остался законным наследником перечисленных великих князей, устройтелем разоренной родины. Его хочет воспеть певец, а о его брате Юрье упоминает лишь, поскольку он желал коснуться битвы на Сити и трагической гибели этого князя и всего его войска.

* *
*

В связи с этим следует остановиться на личности великого князя Ярослава III (если вторым после Ярослава Мудрого считать Ярослава Изяславича, внука Мстислава Великого, занимавшего великокняжеский престол в Киеве в 1172—1175 гг.)

Ярослав III — незаурядная, крупная личность, интересная не только тем, что он отец Александра Невского. Он принадлежал к гордой ветви

суздальских монашачей, добивавшейся власти над всей Русской землей. Лаврентьевская летопись, сообщая под 1212 г. о смерти его отца, пишет: «Преставися князь великий Всеволод, сын Гюргев благочестивого князя всея Руси, внук Володимера Мономаха». То же говорит «Слово о погибели» в уже указанном перечислении поколений. Оно подчеркивает, что Юрий Долгорукий, этот «князь всея Руси», был князем киевским, ибо он умер в Киеве в 1157 г., где он сидел «на столе отца, деда и прадеда».

Традиция Мономахова племени подчеркивалась в окружении Всеволода Большое Гнездо: накануне рождения сына Ярослава, в 1190 г. он назван в той же летописи опять: «благочестивый христоролюбивый великий князь Всеволод, сын Гюргев, внук Мономахов Володимерь». Сам он был назван Всеволодом в честь Мономахова отца, бывшего великим князем с 1078 по 1093 г., но родословная традиция в его семье идет дальше: старший сын его был назван Константином (впервые в Рюриковом доме), очевидно в честь Мономахова деда, царя Константина IX; второй сын назван Юрием в честь своего деда Юрия Долгорукого; наконец, третий сын — Ярославом, в честь другого деда Мономаха, Ярослава Мудрого.

Ярослав (в крещении Федор) родился 8 февраля 1191 г. в Переяславле Залесском,³⁰ «тогда сушу князю великому в Переяслави на полюдьи». Уже 27 апреля 1194 г. был совершен обряд пострига и посажения на конь трехлетнего князя «и бысть радость велика в граде Володимери». В это время Всеволод III, признанный «старейшина в мономаховом племени», повластно распоряжался в большей части Русской земли: в Киеве его двоюродный племянник Рюрик Ростиславич признает его старейшинство, в 1198 г. Всеволод посылает на епископство Павла в свою отчину, Русский Переяславль, где сидит его племянник Ярослав Мстиславич. В 1200 г. новгородцы просят у него сына в князья, «зане тобе отчина и дедина Новгород»; он дал им пятого сына, четырехлетнего Святослава.

В 1201 г. 3 августа «посла князь великий Всеволод, сын Гюргев, внук Володимеров Мономахов, сына своего Ярослава в Переяславль Русский княжити на стол прадеда своего», т. е. Всеволода I, получившего его еще в 1054 г. Посольство южных переяславцев приехало в Северный Переяславль и там из собора святого Спаса взяли «князя его же желаша». Любопытна эта связь между Переяславлем Залесским и Южным.

Ярославу Всеволодичу было всего 10 лет, когда его послали на опасную южную окраину, где велась постоянная борьба с половцами.³¹ Уже под 1204 г. отмечено участие юного Ярослава в большом походе на половцев: старый Рюрик Киевский с сыном Ростиславом (зятем Ярослава, мужем его сестры Верхуславы), Ярослав Всеволодич, Роман Галицкий и иные князья победили половцев, взяли много полону и стад, «и бысть радость велика всем хрестьяном Русской земли». При возвращении, однако, князья перессорились: честолюбивый Роман, притязавший сесть в Киеве, захватил в плен своего тестя Рюрика и его сыновей и постриг его с женой

³⁰ Н. М. Карамзин. История государства Российского, 5-е изд., кн. I. СПб., 1842, прим. 143 к III тому. Все указываемые в дальнейшем факты о жизни и деятельности Ярослава Всеволодича содержатся в Лаврентьевской, Густынской, Воскресенской и других летописях, в 1-й главе 7-й степени Степенной книги «О Ярославе Всеволодиче», в III—VI и VIII главах III тома и в I главе IV тома и в примечаниях к III и IV томам «Истории» Н. М. Карамзина.

³¹ Н. М. Карамзин. История..., т. III, гл. III, стлб. 64 и прим. 103 к III тому. В дальнейшем мы не будем давать ссылок на «Историю» Н. М. Карамзина, ограничившись лишь общим указанием на III и IV тома, содержащие сведения о Ярославе. Подробнее см также: А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г., т. I. СПб., 1889, стр. 7—19.

и дочью насильно в монастыство. Это насиллие заставило великого князя Всеволода «опечалитися Русской землею»; с его помощью Рюрик опять сел в Киеве.

Смерть Романа Галицко-Волынского (14 октября 1205 г.), оставившего лишь малолетних сыновей, вызвала борьбу за галицкий стол. Роман захватил его в свое время не по праву, и галицкие бояре готовы призвать родню Осмомысла по женской линии: одни — его внуков, сыновей Игоря (героя «Слова») и Ярославны, другие — племянника Осмомысла по суздальской его жене, Ярослава Всеволодича. Угорский король Андрей вмешался в этот спор и, «сдумав с галичанами», пригласил на стол 14-летнего Ярослава. Тот поскакал в Галич из Переяславля, но Владимир Игоревич опередил его на три дня и въехал в Галич, где потом погибли позорной смертью его братья, повешенные недобролыми галичанами. Любопытно, что соперники были свояками: Владимир Игоревич был женат на дочери хана Кончака, а Ярослав только что женился на внучке хана, на Юрьевне Кончаковича.

Широкие планы Ярослава не понравились Ольговичам, и севший в Киеве Всеволод Чермный (сын Святослава III, тоже героя «Слова о полку Игореве») пригрозил ему: «поеди из Переяславля к отцу своему в Суждаль, а Галича не ищи под моею братьею; пак ли не поедешь добром, иду на тебя ратью». Ярославу пришлось уступить, и осенью 1206 г. 15-летний князь вернулся к отцу, который дал ему Переяславль-Залесский. Однако уже через два года отец посадил его на стол в Рязани, захватив в плен всех рязанских князей и решив вполне подчинить это важное княжество. И тут княжение Ярослава было неудачно: рязанцы не сдержали крестного целования, восстали и захватили в плен Ярослава с дружиной. Всеволод пришел с войском, освободил сына и сжег Рязань. Ярослав опять сел в Переяславле-Залесском. Вероятно, в это время умерла бездетною его первая жена-половчанка, и Ярослав женился на дочери Мстислава Удалого, князя Торопецкого.

Перед смертью своей, в 1211 г., великий князь Всеволод созвал «на снем» бояр, духовенство, купцов и дворян (что напоминает земский собор) и дал великое княжение во Владимире второму сыну Юрию, а старшему Константину, «книжнику и философу», лишь Ростов. Между братьями чувствовалась рознь, в которой Ярослав был все время на стороне Юрия. В 1216 г. эта рознь перешла в открытую борьбу, закончившуюся драматической битвой при Липице.

После смерти отца Ярослав вернулся в свой Переяславль, сказав знаменательные слова: «Отец мой отошел к богу, а вас отдал мне, и меня отдал вам на руки. Хотите иметь меня у себя и сложить за меня свои головы?» В этих эпических словах особенно ярко выражена теория единчества князя и земли и необходимость согласия веча на посажение князя даже в Суздальской земле.

Уже в 1215 г. Ярослава пригласили к себе новгородцы, изгнав его тестя, Мстислава Удалого. Но Ярослав не ужился в этом вольном городе: он скоро ушел в Торжок, где сковал 2000 новгородцев (купцов), засел там и не пускал хлеб в Новгород. Тогда новгородцы, помирившись с Мстиславом Удалым, вмешались в распрю между сыновьями Всеволода Большое Гнездо. Обе стороны собрали большие войска и встретились при Липице.

Юрий и Ярослав были уверены в победе и хвастались перед битвой: «Не бывало, кто вошел в сильную землю в Суздальскую, хотя бы и вся Русская земля: и Галицкая, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская». Эту гордость «сильной землей Суздальской»

можно объяснить только тем, что она уже была густо заселена в это время. Братья уже вперед делили между собой «все города русские»: Ярославу должен был достаться Великий Новгород, Смоленск — Святославу, Киев — Ольговичам, а Юрию, сверх великого княжения, — Ростов и Галицкая земля. Следует отметить, что здесь «Русская земля» и «русские города» понимаются в самых широких пределах и что Новгородская, Смоленская и Галицкая земля должны были быть в руках братьев Всеволодичей, — это ясное стремление к объединению Русской земли с северо-востока.

Ярослав, надменный и мстительный (по словам Н. М. Карамзина), не хотел слушать предложений о мире. Он убеждал свою дружину: «Се пришел товар в руки. Аще и золотом шито оплечье будет, то убей», а послам Константина и Мстислава ответил: «Вы теперь как рыба на песке; зашли далеко и видите беду неминуемую». Интересны эти краткие, эпические его слова, сохраненные летописью.

Однако не помогли ему ни его «величавость», ни его войско в 13 стягов. В кровопролитной сече 22 апреля Юрий и Ярослав были разбиты наголову. Ярослав потерял золоченый шлем, найденный через 600 лет на поле битвы, и едва прискакал в свой Переяславль на пятом коне, «а четырех задушил». «Еще бо не насытился бе крови: изыма новгородцев и смольнян иже бяху зашли гостьбою, и повеле им вметати в погреб, и издуши их 150 человек», — говорит не расположенная к нему Ипатьевская летопись.

Мстислав Удалой подошел к Переяславу с предложением мира, но потребовал свою дочь, «не желая, чтобы она жила с князем столь жестокосердым» (Карамзин). Однако Ярослав проявил сильное чувство, он «многожды сылал с мольбою к Мстиславу, прося своей княгини; князь же Мстислав не дасть ему», увез дочь и добился развода.

Побежденные Юрий и Ярослав должны были признать старейшинство Константина, причем Ярослав ударил ему челом со словами: «Брате, накорми мя хлебом», т. е. дай мне власть. Интересно, что челобитие и понятие «кормления» отмечены здесь задолго до московской эпохи. Константин оставил Ярославу его Переяславль-Залесский.

В 1218 г. умер болезненный Константин, и Юрий опять стал великим князем, уже по праву наследства. Тогда повысилось значение Ярослава, женившегося в том же году на рязанской княжне Феодосии, подарившей ему через два года сына Александра (отметим это имя, несомненно навеянное романом об Александре Македонском). В 1219 г. Ярослав по просьбе князя Ингваря Рязанского послал свои полки в степь против половцев. В следующем году он вместе с братом Юрием участвует в большом походе князей против камских болгар, перед тем взявших даже с бою Устюг.

В 1222 г. новгородцы, обеспокоенные наступлением немецких рыцарей и литовцев, призвали к себе воинственного Ярослава, «забыв свою прежнюю, отчасти справедливую ненависть к нему» (Карамзин). Он согласился «княжить у них на Новеграде по их воле новгородской изстаринной». Опираясь на свою храбрую переяславскую дружину, Ярослав деятельно отстаивает Новгород, в то время как Мстислав Удалой продолжает свои бесполезные подвиги в Галиче и на Калке.

Прежде всего Ярослав выгнал литовцев из южных пределов Новгородской и Торопецкой волостей и гнал их до Усвята. Затем он решил защитить ливь и чудь (эстонцев), утесняемых немцами и датским королем Вольдемаром II. С двадцатитысячным войском он вступил в Ливонию как освободитель: жители встречали его с радостью и в Юрьеве, и в Медвежьей Голове (Оденпе). Он хотел идти походом на Ригу, но чудские послы с о. Эзеля просили его повернуть в Эстонию. Близ Вельяна (Феллин) он

увидел много повешенных немцами туземцев. Он поклялся отомстить, но наказал не столько рыцарей, сколько жителей этой области, сжегши их селения. Затем он осаждал целый месяц Колывань (недавно основанный датчанами Ревель), но не мог его взять и вернулся в Новгород, «взяв полона без числа и злата много». Однако в том же году он не ужился с новгородцами и уехал с семьей в свой Переяславль. «Новгородцы же кланяются ему: Не ходи княже! Он же поиде по своей воли». Однако после взятия Юрьева немцами в 1223 г. беспомощным новгородцам пришлось опять просить его к себе защищать их. Тогда он проявил еще более кипучую деятельность. В 1226 г. он вместе с псковичами и торопчанами победил литовцев у Усвята, побил их до двух тысяч и взял в плен их князей.

В следующем 1227 г. он пошел за море на Емь (в Финляндию), «где же ни один от князь русских не возможе бывати, и всю землю плени, и много полона посекали». Тогда же он «послав крести множество корел, мало не все люди». Когда затем емь, переправившись через озеро, напала на Ладогу, он отбил ее и повоевал около озера и Олонца. Он решил подчинить и Псков, заключивший изменнический союз с рыцарями-меченосцами. При переговорах псковичи обратились к нему со словами: «Господине княже, ты князь смыслен и премудр, и веси яко вси есмя едино Афетово племя». Здесь интересна ссылка на начитанность Ярослава. Но новгородцы неохотно поддерживали его в его замыслах; он опять оскорбился и уехал в 1228 г. с княгиней в свой Переяславль, оставив в Новгороде двоих малолетних сыновей, Федора и Александра (8 и 7 лет), как носителей власти. Новгородцы посылали к нему с посольством: «Господине княже, свирепства и гнева не держи» и звали его княжить «на всей воле нашей и на всех грамотах Ярославлих». Им нужна была его военная сила и опытность. Но князь не вернулся, а вскоре убежали и княжичи.

Новгородцы пригласили тогда Михаила Всеволодича Черниговского, который собрался даже в 1230 г. воевать с Ярославом, но князей примирил митрополит всея Руси Кирилл. С этого времени начинается вражда Михаила и Ярослава, последнее проявление давней распри Ольговичей и Мономашичей.

В том же году новгородцы, недовольные Михаилом, опять призвали Ярослава, но он просидел у них лишь две недели и снова вернулся в Переяславль, оставив в Новгороде своих сыновей на столе. Михаил, однако, изгнал их из Новгорода. Тогда Ярослав вместе с братом Юрием начал рать против черниговско-северских городов. Ярослав сжег Серенск и осадил Мосальск. Ярослав опять сел в Новгороде, а во Пскове сидел его наместник Вячеслав. Псковичам удалось даже отнять Изборск у рыцарей, которым помогал изменник-князь Ярослав Владимирович: они послали пленных в заточение в Переяславль, в удел Ярослава. Когда Ярослав сидел в Новгороде, 5 июня 1233 г. внезапно умер его 13-летний первенец Федор, «а свадьба юже уговорена, и невеста приведена, и бояре сехашася, а вся красная и слаткая и суетная уготована». Эти строки летописи, делящиеся на правильные пеоны, кажутся нам стихами, вырванными из погребального плача при дворе князя.

В 1234 г. Ярослав опять ходил с новгородцами на немцев-рыцарей под Юрьев и Медвежью Голову, а затем пошел на литву в насадах и на конях по Ловати, настиг ее в Торопецкой волости и разбил наголову. В 1235 г. его размах стал еще шире: с новгородцами и с переяславской и ростовской помощью он спустился по Днепру и взял Киев под Изяславом Мстиславичем смоленским, «и седе на великом княжении в Киеве князь Ярослав Всеволодович новгородский, а в Новгороде его сын Александр» (уже 15-летний). Это был все тот же грандиозный план объединить все главные центры Русской

земли в руках одной семьи суздальских Мономашичей. Во Владимире сидел великий князь Юрий, ему подчинялась вся восточная Русь, а в Киеве, также с титулом великого князя, сел его дружный брат, владея одновременно Новгородской и Псковской землей через послушного сына. Однако Густынская летопись говорит, что его вскоре выгнал из Киева Владимир Рюрикович, которого опять изгнал Михаил Черниговский. Ипатьевская летопись говорит иначе: «Приде Ярослав Суждальский и взя Киев под Владимиром, не мога его держати, иде паки Суждалю, и взя под ним Михаил». Как говорит С. М. Соловьев, трудно согласовать эти известия. Неясно, где был Ярослав в 1236 и 1237 гг. Однако хорошо осведомленная Воскресенская летопись утверждает, что в 1238 г. Ярослав прибыл в разоренный Владимир из Киева.³² Возможно, что он занял его еще раз. Во всяком случае его не было в Суздальской земле во время татарского нашествия. Его брат Юрий погиб 4 марта 1238 г. в битве на Сити. Ярослав остался законным наследником великого княжения. Он прибыл в разрушенный Владимир, сел на великокняжеском столе «и поча ряды рядити и утвердися в своем честном княжении». Не обращая внимания на татар, он распорядился столами: дал Суздаль брату Святославу, а Стародуб — брату Ивану. В Новгороде остался его сын Александр.

Соперники его, Михаил Черниговский и Даниил Галицкий, бежали в Венгрию, боясь татар. Ярослав остался непрерываемым главою Рюрика дома. Ему выпала тяжелая задача убрать трупы, расчистить и восстановить погоревшие города Суздальской земли. Вместе с тем он взял на себя защиту Русской земли от осмелевших западных врагов.³³ В 1239 г. он пошел на литовцев, захвативших было Смоленск, освободил его, взял литовского князя в плен и посадил на столе законного князя, очевидно, как своего вассала. В 1240 г. 15 июля его юный сын Александр, княживший от его имени в Новгороде, блестяще поразил шведов, высадившихся на Неве. Житие Александра Невского, подробно рассказывая об этой победе, говорит: «Жалостно слышати, яко отец его Ярослав честный, великий, не бе ведал такового возстаня на сына своего милаго... ни оному бысть весть послати ко отцу во град Киев, уже беаху приближилися ратнии». Мы не можем считать это указание «ошибкою». Летописи не упоминают о том, где был Ярослав в 1240 г.: вероятно, он главным образом пребывал в Суздальской земле, но он мог легко занять в июле 1240 г. покинутый Киев, к обладанию которым он стремился. В Киеве в это время сидел храбрый тысяцкий Дмитро от имени Даниила Галицкого, но Даниил, вероятно, уже уехал в Венгрию, а покинутый своим князем на произвол судьбы Дмитро мог временно подчиниться и великому князю Ярославу, надеясь на его помощь.

К этим годам относится и любопытное известие Степенной книги, которое, по предположению М. Горлина, взято из более древнего жития Ярослава: «И тогда злоименитый Батый присла к нему посол свой, зовый его к себе во Орду. Ходившу же ему, и достойную честь прият от царя, и восприим старейшинство во всем Руском языке. Прииде в землю свою

³² ПСРЛ, т. VII. СПб., 1889, стр. 143. М. С. Грушевский полагает, что Ярослав покинул Киев и перешел в Суздальскую землю, получив уже известие о катастрофе на Сити, где погиб его брат Юрий (М. С. Грушевський. Історія України—Руси, т. II. Львів, 1905, стр. 249).

³³ А. Е. Пресняков правильно сказал: «Только что отхлынула к югу татарская сила. Ярослав тотчас вступает на прежние пути великокняжеской политики... В его власти и все княжьи силы великого княжения... и перевес великокняжеской силы над младшими князьями не меньше (скорее больше), чем во времена Мономаха и Мстислава Великого» (А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. Пгр., 1918, стр. 52—53).

честно и славно и многи пришьельца утешу и множество людей собра. Сами прихожаху к нему в Суждальскую землю от славныя реки Днепра и от всех стран Руския земли: галичане волюньстий, кияне, черниговцы, переяславцы и славнии куряне, торопчане, меняне, мещижане (читай: вщижане), смолянне, полочане, муромцы, рязанцы; и вси подражаху храбрости его и обещавахуся ему живот свой полагаати за избаву христианскую; и тако множахуся и всяким богатеством исполняхуся; и бысть необычной скорби радость велия христианом и благодарствоваху бога, преспевающе во благочестии».³⁴ Этот текст указывает на широкую деятельность Ярослава и на сильное заселение Суздальской земли, в которую стремятся угрожаемые венграми и Литвой жители западных областей, даже из Галиции, Волини, Украины, из Минской, Смоленской и Полоцкой областей. Суздальская земля, хотя и разорена татарским нашествием, становится для них прибежищем под защитой великого князя Ярослава.

Четыре года Ярослав распоряжался сравнительно спокойно в разоренной Русской земле. Наконец в 1242 г. ему пришлось поехать в Орду к Батю. Тот принял его с уважением и признал «главой всех князей российских», по словам Абульгази. По летописи, Батый почтил его великой честью и сказал ему: «Ярославе! буди ты старей всем князем в русском языке». То старейшинство, которым Ярослав уже фактически пользовался, теперь было признано за ним высшей властью во всех пределах Русской земли, «в русском языке», т. е. в русском народе. Ясно, что это понятие не было создано татарами, а было подсказано им самим великим князем.³⁵ Ярослав вернулся на Русь с великой честью и управлял ею спокойно. В 1245 г. его наместник Дмитро Ейкович сидел в Киеве; по догадке М. С. Грушевского, это был тот же тысяцкий Дмитро, славный защитник Киева в 1240 г.³⁶

В 1245 г. Ярославу пришлось поехать к великому хану в Каракорум. Там его видел Плано Карпини: «Vidimus in curia imperatoris nobilem virum Jeroslaum, magnum ducem Russiae». Титул «великого князя России» был признан за ним при ханском дворе и понятен был всякому иностранцу, привыкшему рассматривать всю Русскую землю как единое целое. На возвратном пути из Монголии Ярослав разболелся «и преставился нужною смертью» 30 сентября 1246 г. Плано Карпини утверждает, что он был отравлен женою хана, а летопись намекает, что он был отравлен по навету Федора Яруновича; вероятно, это был сын его старого врага Яруна, боярина Мстислава Удалого. Тело Ярослава было привезено во Владимир, и он местно чтился там как святой, но канонизован не был.³⁷

Таков этот князь широких политических замыслов, сидевший и в Южном и в Северном Переяславле, чуть не севший в Галиче; ему подчинялись и Новгород, и Псков, и Смоленск, он сидел на великокняжеском золотом столе и в Киеве и во Владимире. С детских лет он воевал с половцами, затем с болгарами и мордвой, храбро отражал набеги литвы,

³⁴ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1. СПб., 1908, стр. 253.

³⁵ А. Е. Пресняков сказал: «Столь необычное выражение Лаврентьевской летописи как бы передает по-своему татарскую фразеологию» (А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства, стр. 53, прим. 4); однако мы не видим ничего необычного в понятии старейшинства.

³⁶ Ипатьевская летопись, под 1250 (!) г.: ПСРЛ, т. II. СПб., 1843. М. С. Грушевский. История Киевской земли, стр. 427.

³⁷ Карамзин правильно отметил, что Ярослав III, этот «возобновитель разрушенного великого княжения», снискал даже почтение татарских ханов, «но не заслужил ревностной похвалы наших летописцев, ибо не раздавал имени церквам и монахам, отличаясь, может быть, верою просвещенною, а не суесвятством» (История государства Российского, т. IV, стр. 29).

ходил походами на чудь, корелу и емь, упорно боролся с немецкими рыцарями. Не воевал он лишь с татарами, непобедимыми в то время, но от них «много пострадала за землю Русскую». Его заслуга в том, что в самые страшные годы он сумел наново организовать погибавшую Русскую землю и отстоять идею ее единства, хотя бы в виде вассального государства. Польские историки назвали бы его «Обновителем», если бы он был поляком; русские историки, к сожалению, называют его «заурядным князем». Властный и величавый, иногда жестокий, иногда ласковый (житие Александра Невского называет его «кротким и мужелюбцем»), этот храбрый и воинственный князь — выдающийся представитель суздальских монашичей. Его биография доказывает, как ошибочно ходячее мнение о суздальских князьях как «хозяевах-вотчинниках, с практическим взглядом на жизнь, без блеска и благородства», невоинственных домоседах.

Великого князя Ярослава III, по нашему мнению, лучше всего охарактеризовал историк XVIII в. князь М. М. Щербатов, сказав: «Сей государь, как по всей его истории видно, был человек великих качеств, тверд в величайших несчастьях и несколько склонен к суровости», и в другом месте: «Ярослав великодушный своего не потерял и при падении своем единый бывшую Россию содержал».³⁸

Ярослав Всеволодич установил ту политическую линию, которую с успехом продолжал его сын, Александр Невский, и с меньшим успехом, единственные прямые потомки Александра, великие князья московские. Следовало, скрепя сердце, подчиняться могущественным татарам, чтобы сохранить автономное устройство Русской земли и оградить ее от новых нашествий, но надо было всеми силами бороться против западных соседей — языческой Литвы, хищных немецких рыцарей и шведов, стремившихся оторвать большие куски Русской земли и установить в них свою политическую власть. Можно сожалеть о том, что эта политика углубила разрыв между Русью и западной Европой, но она была неизбежна, она спасала Русь от полной потери самостоятельности и от денационализации.³⁹ Из двух зол пришлось выбирать меньшее.

* *
*

Отметим, что с 1206 г. Ярослав Всеволодич сел в Переяславле Залеском и провел там много лет, покидая этот город то ради Новгорода, то ради Киева. С этим городом связан такой важный памятник, как особая летопись «Переяславская» с общерусским размахом, с подробностями о древнерусских князьях и о византийских событиях, с особыми местными данными, начиная с 1177 г.⁴⁰ Она нам известна по списку XV в., но, по исследованию А. А. Шахматова, знаменитая Радзивилловская рукопись, заканчивающаяся 1206 г., сходна с Переяславской,⁴¹ а богатые миниатюры Радзивилловской были скопированы с оригинала Переяславской летописи,

³⁸ М. М. Щербатов. История Российская, т. III. СПб., 1772, стр. 48.

³⁹ Вспомним, что в 1352 г. язычник Ольгерд сказал немецким рыцарям: «Omnis Russia ad Litwanos debet simpliciter pertinere» (Scriptores rerum Prussicarum, t. 2, стр. 80) — «Вся Русская земля должна просто принадлежать литовцам», и после этого два раза пытался взять Москву. О значении этих слов см.: А. Soloviev. Der Begriff «Russland» im Mittelalter. — Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas, Bd. II (1956), стр. 159—160.

⁴⁰ Летопись Переяславля Суздальского. Изд. М. Оболенского. М., 1851.

⁴¹ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, ч. CCCXXXI, 1900, сентябрь, стр. 119; ч. CCCXXXII, 1900, ноябрь, стр. 171—176

законченной в 1216 г. именно для князя Ярослава.⁴² Итак, в Переяславле при нем процветало летописание, был и княжий летописец, и искусный миниатюрист.

С Переяславлем связано и известное произведение русской письменности — «Моление» Даниила Заточника, в своей основной («второй») редакции обращенное именно к Ярославу, «сыну великаго князя Всеволода».⁴³ Даниил униженно восхваляет этого князя, «своего господина», его величие, благоразумие и щедрость. «Моление» показывает, что в Переяславле был широко образованный «философ», начитанный в литературе.⁴⁴

Наконец, с именем Ярослава связано и «Слово о погибели». Нет оснований предполагать, что автором его мог быть Даниил Заточник, как это допускали Х. М. Лопарев и В. А. Келтуяла.⁴⁵ Слишком велико различие между поучительно-сатирическим и униженным стилем Даниила, полным цитат из Библии, и высоким лиризмом и историческим вдохновением ритмических стихов «Слова». В древней Руси было немало одаренных личностей, и незачем сводить к одному двух разных писателей.

Если при князе Ярославе были летописец, миниатюрист, начетчик-моралист, то, конечно, при нем был и дружинный певец, хранивший в памяти подвиги и родословную своих князей, а вероятно, и былины или рассказы о «старом» и «великом» Владимире. Этот певец, если и был родом из Переяславля, следовал за князем в его походах на литву, на корелу, на немцев, на болгар. Он задумал воспеть страшную «погибель», вспоминая прошлое величие родины, и отметить трудную роль «нынешнего Ярослава». Быть может, он начал это «Слово» в Киеве в 1238 или 1240 г., быть может, и в другом месте, но мысленно он и тогда переносился на киевские горы, в древнюю столицу столь горячо любимой им Русской земли.

6. Что такое вяда?

Редким словом в «Слове», не встречающимся в других русских памятниках, является «вяда». Ее старались объяснить как «воть» — название финского племени к югу от Невы, сохранявшееся затем в имени Водской пятины.⁴⁶ Однако такое сближение противоречит и правилам фонетики и логике памятника. «Слово» строго держится географической последовательности, и если оно говорит: «буртаси, черемиса, вяда и мордва бортничаху», то ясно, что «вяду» нельзя искать у Финского залива, а надо искать между черемисой и мордвой. Здесь речь идет о восточных и юго-восточных соседях Суздальской Руси, находившихся еще на низкой ступени экономического и политического развития.

⁴² В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, ч. 1. Киев, 1908, стр. 966.

⁴³ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 6. М., 1956, стр. 171—173.

⁴⁴ Если принять мнение Вас. Щурата (Записки Наук. тов. им. Шевченка, т. 9, Львів, 1896), что «Моление» Даниила вдохновлено посланием Михаила Глики из заточения к царю Мануилу около 1164 г. и стихами нищего поэта Федора Птохопродрома, то надо допустить, что Даниил читал их по-гречески, ибо славянских переводов этих посланий нигде нет.

⁴⁵ В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. I, кн. 1. СПб., 1913, стр. 793. Ср. тот же взгляд у Н. В. Водовозова: Повесть XIII века об Александре Невском (к вопросу о составе повести и ее авторе). — Ученые записки Московского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. XVII, в. 6, 1957, стр. 21—45.

⁴⁶ Это объяснение повторяет даже Н. К. Гудзий. (Хрестоматия, изд. 6, стр. 155).

Большой заслугой М. Н. Тихомирова было его указание на «вятцкую мордву» в документе XVI в.,⁴⁷ что дает возможность предполагать, что «вяда» была одним из племен мордвы. Можно подкрепить мнение М. Н. Тихомирова данными времени татарского нашествия. Латинские отчеты о поездках венгерского доминиканца Юлиана, дважды ездившего в 1235 и 1237 гг. за Волгу, чтобы отыскать и окрестить «Великую Угрию» (*Magnam Hungariam*), т. е. Югру, подробно описывают его путешествие.⁴⁸ Из Царьграда он прибыл с товарищами в Зихию, в город Матригу (Тму-таракань), оттуда через 13 дней в Аланию, где жили язычники и христиане. Оттуда после 37 дней пути по степям монахи пришли «в землю сарацинов (т. е. язычников), называемую Вяда» (*in terram Saracenorum, quae vocatur Veda*), в дождь и холод, в город Бунда (*Bundam, Bundaz*). Князь города встретил их любезно и обещал креститься. Здесь они похоронили брата Герарда и отправились в Великую Булгарию, в это могущественное и великое государство с богатыми городами. Итак, «земля Вяда» находилась на правом берегу Волги, к юго-западу от Великого Булгара, на пути оттуда на Кавказ, в нынешних Пензенской или Саратовской областях, что совпадает с указанием М. Н. Тихомирова. Позднее, находясь во Владимире, Юлиан узнал, что татары разорили уже «*quinque regna paganorum Sasciam, Bulgariam, Wedin et Meroviam Poydoviam, Mordanorum regnum*». Итак, по представлению фра Юлиана, Булгария, Вяда, Муром и Мордва — это ряд соседних языческих земель, примитивных государств.

Что «Veda» и «wedin» значит «Вяда» и «вядин», это несомненно. Венгерец Юлиан, вероятно знавший сербо-хорватский язык,⁴⁹ привык заменять русское «я» через сербо-хорватское «е» (ср. ряд/ред, сядь/седи, лядина/ледина и др., из малого юса). Поэтому известный в 1340-х годах, «староста Руской земли» во Львове Димитрий Дядько называется в венгерских грамотах *Demetrius Dethko*. Русские, наверное, говорили: Вяда/вядин, как Мордва/мордвин, Литва/литвин. Прибыв в Суздальскую землю, Юлиан услышал эту форму единственного числа и поставил ее наряду с собирательной «Veda».

Последний издатель текстов о путешествиях венгерских доминиканцев, Ласло Бендефи, совершенно неправильно объяснил названия «Веда» и «ведин».⁵⁰ Ему кажется, что монахи, покинув летом 1235 г. Матраху, добрались в 13 дней до Алании, столицей которой он считает Астрахань, что они в Астрахани провели шесть месяцев, а затем весной 1236 г. отправились дальше на восток, через киргизскую степь за р. Урал, и через 37 дней добрались до р. Уиль, где будто бы находилась земля «Вела-Уела». Из напечатанных им трех списков путешествия в двух стоит «Veda, Ueda», а в третьем, Ватиканском, — «Uela». Бендефи берет эту ошибочную форму и не упоминает о двух остальных. Оттуда монахи будто бы поднялись к Оренбургу, где он помещает «великий город болгар, из которого выходит 50 тысяч войска», а оттуда, вдоль р. Белой и Камы, они наконец прошли в Великий Болгар.

⁴⁷ М. Н. Тихомиров. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли», стр. 238; он нашел это указание в издании С. Шумакова: Сотницы. — ЧОИДР, 1902, кн. 2, стр. 74.

⁴⁸ A. Theiner. *Monumenta Hungariae ecclesiastica*, t. I, № 271, стр. 151—153; новое издание: *Fontes authentici itinera fratris Iuliani illustrantes*, ed. Bendefv. — *Archivum Europae Centro-Orientalis*, vol. 3. Budaе, 1937.

⁴⁹ Хорватия входила в состав венгерского королевства, и при посылке монахов в далекую Русь наверно выбрали венгерцев, знавших славянский язык, или даже хорватов-католиков.

⁵⁰ L. Bendefv. *Archivum Europae Centro-Orientalis*, III, стр. 11—13.

Поэтому на приложенной к его статье карте указаны: 1) страна «Uela» в Казахстане, между Яиком и Эмбой, с городом Бунда на р. Уиле и 2) страна «Wedin» на севере, на р. Унже, к югу от р. Сухоны, с городом «Wedin» где-то около Кологрива. Все это совершенно фантастично.

От Матрахи до Астрахани, как указывает сам Бендефи, около 800 км: за 13 дней пешие и голодные монахи могли еле пройти 260 км, т. е. добраться до района Армавир-Ставрополь (Бендефи произвольно предполагает пропуск в счете дней); здесь они именно попали в Аланию, в страну осетин, где было много христиан,⁵¹ где «сколько сел, столько князей», где жители пахут поля и ходят в лес за дровами, что абсолютно непохоже на Астрахань, а указывает именно на предгорья Кавказа. Затем монахи сами говорят, что они пробыли здесь шесть месяцев, боясь татар в степях; как же они после этого пошли бы в 1236 г., когда приволжские степи уже были заняты татарами, прямо на восток, за Яик, навстречу татарам, тогда как им надо было идти на север. Ясно, что они пошли бассейном Дона, шли 37 дней (около 700 км), что привело их в дождь и холод в лесистый район Пенза—Саратов, а вовсе не в Казахстан.

Мы считаем, что «terra Saracenorum, que vocatur Veda» в описании первого путешествия то же, что «Wedin regnum» в описании второго.

7. Было ли «Слово о погибели» вступлением к житию Ярослава

Приведем наши возражения против гипотезы М. Горлина о том, что «Слово о погибели» вовсе не является отрывком лиро-эпической поэмы, а лишь вступлением к утраченному житию Ярослава Всеволодича, извлеченным из забвения редакторами Степенной книги в середине XVI в. Н. К. Гудзий считает их, «впрочем, далеко не достаточными и очень беглыми», и ни одно не нашел нужным привести из них. Мы указывали:

1) Если и существовало житие Ярослава, то оно могло быть написано лишь после его смерти, подобно тому как житие Александра Невского, несомненно, написано после его кончины. К тому же в течение своей жизни Ярослав не отличался особыми христианскими добродетелями; лишь его трагическая кончина при дворе великого хана, где он был отравлен и таким образом «пострада за землю Русскую», окружила его известным ореолом, так же как его современника и соперника, Михаила Черниговского. Между тем «Слово» ясно говорит «до нынешнего Ярослава»; эти слова доказывают, что поэт собирался говорить о подвигах и страданиях живого Ярослава, главного героя поэмы, совершенно так же как другой певец воспевал подвиги излоключения «нынешнего Игоря».

2) Если бы «Слово» было только вступлением к биографии, оно должно было бы иметь другой заголовок, например: «Житие великого князя Ярослава», а не имеющийся — «Слово о погибели Руския земли», указывающий, что задумано было произведение ораторского искусства, политической поэзии.

3) Если «Слово» было вступлением к житию Ярослава, почему оно сохранилось лишь во вступлении к житию Александра Невского, от которого оно сильно отличается по стилю и с которым оно не имеет прямой связи?

4) Если оно было вступлением к житию Ярослава, почему редакторы Степенной книги не сохранили его на своем месте, в начале жизнеописания Ярослава (7-й степени), а внесли лишь краткую и сильно переделанную цитату в конце этой степени?

⁵¹ О следах христианства в области Ставрополя см. статью Г. Турчанинова «Эпиграфические заметки. IV» (ИЮЛЯ, т. VII, 1948, в. 1, стр. 77).

5) Самым важным я считаю пятое возражение. М. В. Горлин не заметил того, что цитата в Степенной книге вовсе не заимствована непосредственно из «Слова», а взята из составленного в начале XVI в. «Родословца русских князей», помещенного в начале Степенной книги, но отделенного от нее «Родословием рязанских и муромских князей». Ясно, что «Родословец» был составлен раньше Степенной и был внесен в две ее рукописи как подходящее вступление.⁵²

Во французском византологическом журнале я не хотел утруждать читателей текстологическим сравнением, но считаю долгом сделать это в издании на русском языке.

«Родословец»

Степенная книга

От Рюрика начася державство
в Новгороде,
от Игоря же сына его в Киеве и до
Всеволода Юрьевича державствоваху, от
них
же вси страны трепетаху
ближнии и дальнии, и сами Гречестие
цари,

вси повиновахуса им и
дань даяху от моря до моря:
угрове и чахи, и ляхи, и ятвязи, и литва,
и немцы, и чюдь, и корела, и устюг,
и обои болгары, буртасы, и черкасы,
мордва, и черемиса;
и самии половци дань даяху и мосты
мостяху,
литва же тогда бояхуса и из лесов
выницати,
татарове же тогда ни слухом
именовахуса.⁵³

(«Ярослав... ревности божественныя
исполняешся...»)
...паче же воспоминая начальнейшее
отъческое
благородие и богом дарованное им
скиптродержавие, и како
вси страны трепетаху имен их, не токмо
ближнии, но и дальние земли и царства,
и самии Гречестие цари,
и како повсюду бысть в Рустей земли
православная вера христианская, идеже
бысть всякия божественныя благодати
исполнение и всего земного доброплодия
изобилование, в них же не бяшет тогда
поганина; уду же присягаху и
повиновахуса многие страны и
дань даяху от моря и до моря:
угрове и чахи, и ляхи, и ятвязи, и литва,
и немьци, и чюдь, и корела, и устюг,
и обои болгары, и буртасы, и черкасы,
и мордва, и черемиса;
и самии половци дань даяху и мосты
мостяху,
литва же тогда и из лесов бояхуса
выницати,
татарове же тогда ни слухом не имено-
вахуса.⁵⁴

Из этого сопоставления ясно видно, что «Родословец» заимствовал свой список данных из «Слова о погибели», уже достаточно его изменив, а что Степенная взяла свой текст именно из «Родословца», распространив его краткий эпический стиль вялыми цветами церковного красноречия.

Простая фраза: «От Рюрика начася державство в Новгороде» превратилась в «начальнейшее отъческое благородие и богом дарованное им (?) скиптродержавие». Дальше, вместо ясного выражения «от них же вси страны трепетаху ближнии и дальнии» — растянутое многословие: «и како вси страны трепетаху имен их, не токмо ближнии, но и дальнии земли и царства». Текст разбит довольно бессмысленной вставкой: «и како повсюду бысть в Рустей земли православная вера христианская» (как будто при Ярославе Всеволодиче ее уже не было), за которой следует неуклюжее добавление: «идеже бысть всякия божественныя благодати

⁵² Степенная книга издана в XXI томе ПСРЛ по четырем рукописям: Московской, Ундольского, Исторического музея и Дружинина. Из них лишь две (Московская конца XVI в. и Исторического музея середины XVII в.) имеют вступительные статьи, в том числе «Родословец».

⁵³ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 3.

⁵⁴ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 254.

исполнение и всего земного доброплодия изобиливание», и синтаксически неправильный оборот: «в них же (?) не бьшеть тогда поганина», что бессмысленно, ибо именно в XII и XIII вв. среди данников Руси было достаточно «поганых» язычников, как это видно из «Слова о погибели». Затем краткая фраза «вси повиновахуся им» в Степенной книге имеет добавления: «уду же присягаху и повиновахуся многие страны». Только начиная со слов «и дань даяху», Степенная довольно точно переписывает текст «Родословца», отказавшись от цветистых добавлений; впрочем, прибавлено три раза «и» и один раз «не».

Следовательно, все рассуждение М. В. Горлина о том, что редакторы Степенной переставили цитату из «Слова» в конец с редакции жития, совершенно неверно. Редакторы Степенной и не видали «Слова». Перед ними был текст «Родословца», которым они своеобразно воспользовались. «Родословец» же воспользовался текстом «Слова», и нет необходимости предполагать для обоих какой-то общий, древнейший источник, как это делает А. И. Соболевский⁵⁵ и Н. К. Гудзий.⁵⁶

Можно предполагать, что автор «Родословца» имел перед собой какой-то более полный текст «Слова о погибели». Такие эпические выражения, как «вси страны трепетаху ближнии и дальнии, и сами Гречестие цари», могли находиться в подлиннике «Слова»; сравним в «Плаче князей рязанских»: «и во всех странах славно имя имяше, к греческим царем велику любовь имуще и дары от них многие взимаша». Подобно этому, фраза «вси повиновахуся им и дань даяху от моря до моря» вполне в стиле «Слова».

Особенно любопытна фраза «Половци дань даяху и мосты мостяху». Она напоминает стих «Слова о полку Игореве»: «начаша мосты мостити... всякими узорочьи половецкими». В оригинале «Слова о погибели» могло быть такое упоминание о половцах. Наконец, фраза «татарове же тогда ни слухом именовануся» вполне логично могла стоять в изображении былой славы Мономаха в «Слове» (ср. «а немци радовахуся, далече будучи»).

В перечислении народов «Родословец» сильно изменил свой оригинал: он вставил «чюдь», исключил «тойму» и «дышущее море», но оставил «устюг» довольно неудачно: получилось, что этот русский город относится к чужим странам, дававшим дань. Выпущена мало известная «вьяда», но в рифму к «буртаси» вставлены «черкасы», что указывает на начало XVI в.⁵⁷

Генеалогический ряд в начале «Родословца» — «От Рюрика... от Игоря сына его в Киеве и до Всеволода Юрьевича» — сильно напоминает концовку «Слова о погибели»: «от великого Ярослава и до Володимера» и обратный ряд предков, где сказано: «великому князю Всеволоду, отцу его Юрю князю Киевскому».

Наше заключение: «Слово о погибели» было известно как самостоятельный отрывок, вне связи с гипотетическим житием Ярослава и вне

⁵⁵ А. И. Соболевский. Рец. на кн.: Труды Псковского церковного историко-археологического комитета (Псковская старина, т. I. Псков, 1910). — ЖМНП, 1910, ноябрь, стр. 208.

⁵⁶ Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Рускыя земли», стр. 539 и 542.

⁵⁷ Перечень народов в Степенной книге (и в «Родословце») вовсе не «более географически упорядочен», чем в «Слове», как это казалось А. И. Соболевскому. В него внесены «обои болгары» и «черкасы», что невозможно для XIII в. А главное, тогда как «Слово» различало соседей и данников Руси, «Родословец» смешал все названия, сделав данниками Руси и угров, и чехов, и ляхов, и немцев, и даже русский град Устюг, что показывает весьма плохое знание истории. Единственно, помещение чехов между уграми и ляхами более логично, но оно может восходить к более правильному тексту «Слова».

связи с житием Александра Невского, к которому его приставил редактор печерского сборника XVI в., как увидим дальше. Именно это «Слово» переделал в церковном духе автор жития Федора Ярославского, Андрей Юрьев. Это «Слово» помнил белозерский гуслиар, вставивший из него несколько слов в свою неполную версию «Задонщины», им воспользовался и автор «Родословца». Отзвуков жития Александра Невского в этих трех произведениях незаметно.

8. Отзвуки «Слова о погибели» и параллели к нему

«Слово о погибели» было известно в следующие века, хотя следов его влияния сохранилось очень мало.

Укажем, что некоторое сходство темы и отдельных выражений можно найти в известном третьем «Слове» епископа Серапиона Владимирского (1274 г.), когда он рисует картину «томления и муки» Русской земли. Автор «Слова» воспевал былое величие, красоту сел и городов, храбрых князей и бояр, прекрасные церкви. Епископ Серапион как бы отвечает ему:

Разрушены божественные церкви...
 Княз и наших, воевод крепость исчезе,
 храбрии наши, страха наполньшеса, бежаша...
 села наша лядиною поростоша,
 и величество наше смирися,
 красота наша погыбе,
 богатство наше онем в корысть бысть,
 труд наш погании наследоваша,
 земля наша иноплемеником
 в достояние бысть.⁵⁸

Певец «Слова» воспел былую красоту, намереваясь рассказать о ее погибели. Серапион в сильных ритмических выражениях описал эту «погибель красоты». Конечно, не будем гадать о том, знал ли Серапион дошедший до нас отрывок или, быть может, утраченное продолжение «Слова». Очень возможно, что не знал и что известное сходство объясняется всей обстановкой того времени, когда антитеза между былым величием Русской земли и тягостным разорением вызывала горькие чувства почти в каждой душе. Такие выражения могли быть «общими местами» в ту эпоху.

Гораздо позже, в XV в., автор жития князя Федора Ярославского, Андрей Юрьев, несомненно, воспользовался началом «Слова о погибели» для вступления в это житие: «О светлая и пресветлая Русская земле! и преукрашенная многими реками и различными птицами и зверьми и всякою различною тварию потешая бог человека, и створил есть вся его ради на потеху и на потребу различных искушений человеческого ради естества, и потом подарова господь православною верою, святым крещением, наполни ю великими грады и дома церковными и насая ю боголюбивыми книгами». На это указал еще И. Н. Жданов, но сделал совершенно неверный вывод, что вступление «Слова о погибели» есть «один из образцов агиографической риторики».⁵⁹ Какая разница между строго ритмичным, живым, дружинным приступом «Слова» и этой монастырской риторикой, где отдельные выражения, близкие к «Слову» («О светлая Русская земля и преукрашенная... многими реками и птицами и зверьми... великими грады и дома церковными»), тонут в нескладных прозаических оборотах чисто церковного типа! Видно, что Андрей Юрьев знал «Слово» (может

⁵⁸ Н. К. Гудзий. Хрестоматия, изд. 6, стр. 162—163.

⁵⁹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 96.

быть, уже как вступление к житию Александра Невского), но взял из него лишь немного, ибо его литературное направление и его словарь совершенно не сходились с дружинным памятником XIII в.

В 1475 г. в Кирилло-Белозерском монастыре монахом Ефросимом (позднее игуменом монастыря) была записана неполная версия «Слова о Куликовской битве» Софония Рязанца, получившая здесь название «Задонщины». ⁶⁰ В этой редакции в текст Софония вставлены несколько слов из нашего памятника: «к Железным вратам, к Риму, до черемисы, до чахов, до ляхов, до устюга поганых татар, за дышущеем морем». Мы уже высказали предположение, что монастырский писец мог записать «Задонщину» от гусяря (белозерских князей), забывшего конец «Задонщины», но знавшего наизусть «Слово о погибели» и довольно неумело вставившего из него несколько выражений в сказание о Куликовской битве.

Гораздо больше заимствований из «Слова о погибели» в «Родословце русских князей», составленном в начале XVI в., во всяком случае до Степенной книги. Как уже отмечалось, сама Степенная книга не обнаруживает прямого заимствования из «Слова»: она пользовалась текстом «Родословца». ⁶¹ Именно к «Родословцу», а не к Степенной книге восходит и заимствование в «Сказании о начале московского рода» Каменевича-Рвовского, около 1665 г. Оно также перечисляет данников Руси: «угры, чехи, ляхи, ятвяги, литва, немцы, чюдь, корела, устюг, болгары двои, буртасы, черкасы запорожские, мордва, черемисы, половцы», а затем говорит: «литва вся убо тогда бояхуся и из лесов вон вынитца (выницати), татарове же тогда не сказовахуся и ниже слух их к нам доношашеся и не именовашеся». ⁶² По этому смешению соседей и данников Руси и особенно по упоминанию «двоих болгар» и черкас видно, что Каменевич-Рвовский имел перед собой «Родословец», а самого «Слова о погибели» и не читал даже в виде вступления к житию Александра Невского.

* *
*

Д. С. Лихачев правильно указал на некоторое тематическое и стилистическое сходство между текстом Ипатьевской летописи под 1201 (неверным) годом и «Словом о погибели». Он напомнил, что, как выяснил Л. В. Черепнин, Ипатьевская летопись с 1202 по 1250 г. заключает в себе житие Даниила Галицкого, которое не было разделено на погодные даты и начиналось с лирического вступления, посвященного предкам Даниила и былому могуществу Русской земли. Характерно, что это вступление к жизнеописанию Даниила многими чертами напоминает «Слово о погибели», которое также носит характер своеобразного лирического вступления к житию Александра. Действительно, оба текста говорят главным образом о славе Мономаха и о страхе, который он нагнал на врагов Руси, и в первую очередь на половцев. ⁶³ Но надо обратить внимание на следую-

⁶⁰ Сборник писан в разное время, но на л. 137 находится запись: «в лето 6984 сентября 18 в неделю почах писати», перед «Хождением» Даниила игумена. «Задонщина» находится на лл. 122—128; можно считать, что она была переписана до сентября 1475 г. (Н. В. Рузский. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение... М., 1891, стр. 9—20; Jan Fgček. Zadoňstina. Praha, 1948, стр. 159).

⁶¹ Сравнение текстов сделано нами на стр. 105 настоящей статьи.

⁶² Текст Каменевича-Рвовского приведен в сокращении И. Н. Ждановым (И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 95, прим. «а»).

⁶³ Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 47.

щее: лиро-эпический текст Ипатьевской вовсе не связан органически с житием Даниила. Он был вставлен позже и довольно неумело. Житие начинается: «По смерти же великого князя Романа» и рассказывает о его славе в эпических тонах. Затем начинается новая фраза: «Ревноваше же деду своему Мономаху» и здесь излагается прекрасный отрывок песни о хане Отроке и траве емшан. Наконец, сказано: «Роману же князю ревновавшу за то, и тщащяся погубити иноплеменники. Велику мятежу восставшу в земле Руской, оставшима же ся двеима сынома его, един 4 лет, а другий дву лет» и т. д.

О Романе рассказывается как о живом, но ничего не сказано о его смерти. Фразы о Мономахе и о великом мятеже совершенно не связаны друг с другом ни по смыслу, ни по стилю. При внимательном анализе ясно, что житие Даниила начиналось так: «По смерти же великого князя Романа, приснопамятного самодержца всея Руси (одолевша всем поганским языком, ума мудростью ходяща по заповедем Божиим),⁶⁴ велику мятежу воставшу в земле Руской, оставшима же ся двеима сынома его, един 4 лет, а другий дву лет, собравшу же Рурику Половци и Руси много и приде на Галичь, оставив мниский чин, бе бо приял боязни ради Романовы».

Биограф Даниила просто начал с событий после смерти Романа 14 октября 1205 г. и изложил их в одной фразе с характерными для его стиля дательными самостоятельными. Впоследствии он же или позднейший редактор решил, что надо что-то сказать о приснопамятном Романе.⁶⁵ Тогда уже были вставлены и его характеристика, и песня о его прадеде Мономахе, разрезавшие основную фразу. Житие Даниила получило лирическое вступление. То же произошло с житием Александра Невского. Написанное после его смерти в 1263 г. его современником, оно начиналось просто: «Месяца ноября в 23 преставися великий князь Александр... Скажем мужество и житие его», и продолжалось в прозаическом духе. Однако позднейший редактор, найдя отрывок «Слова о погибели», решил сделать из него вступление к житию, поскольку этот отрывок говорил об отце и предках Александра. В обоих случаях редакторы поступили не особенно умело, но заслуживают благодарности: они сохранили прекрасные образцы древнего песенного творчества.

9. «Слово о погибели» и «Слово о полку Игореве»

Говоря о «Слове о погибели», нельзя не указать на его отношение к «Слову о полку Игореве». Н. К. Гудзий в своей статье упомянул, что об известном сходстве между обеими поэмами писали уже Х. М. Лопарев, М. С. Грушевский и Н. Серебрянский, но лишь мимоходом. Затем он замечает: «Но настойчивее всех о связях „Слова о погибели“ со „Словом о полку Игореве“ говорит А. В. Соловьев» и вкратце приводит мои соображения. Однако вывод его следующий: «Все эти параллели из обоих памятников, в том числе в наибольшем количестве подобранные А. В. Соловьевым, настолько общего характера, что едва ли могут свидетельствовать о литературной связи „Слова о погибели“, со „Словом о полку Игореве“, даже при тех оговорках, которые делает А. В. Соловьев.

⁶⁴ Слова, взятые в скобки, могут тоже быть позднейшим добавлением.

⁶⁵ Возможно, что это сделал сам биограф, ибо он по-своему изменил текст песни, поставив в нем десять дательных самостоятельных. О дательном самостоятельном как особенности стиля автора жития Даниила Галицкого см. статью Д. И. Чижевского «Über den Stil der Galizisch-Volynischer Chronik» (Südost-Forschungen, Bd. XII, München, 1953, стр. 79—108).

Как бы мы ни ценили „Слово о погибели“ с точки зрения литературной, нет необходимости во что бы то ни стало подтягивать его к „Слову о полку Игореве“».⁶⁶

Тут некоторое недоразумение. Я вовсе не так уж «убежден в том, что автор „Слова о погибели“ был знаком со „Словом о полку Игореве“, как это кажется Н. К. Гудзюю. Моей задачей не было «подтягивать» одно «Слово» к другому. В моей французской статье я настаивал лишь на тематическом и стилистическом сходстве между обоими, на том, что оба «Слова» — «несомненно, продукт одной и той же поэтической школы». Я хотел указать, что такая поэтическая школа существовала и могла давать светские произведения различной окраски; в моей французской статье сказано: «Эта картина северной природы (в «Слове о погибели») сильно отличается по своим краскам от картины степи в „Слове о полку Игореве“, от ее гроз и теплых ветров, идущих от южного моря. Тональности обоих „Слов“ различны, но основная тема произведений та же: это та же любимая „Русская земля“, ее христианский народ, долгом которого является беспрестанная борьба против языческих племен».

Моя полемика против М. В. Горлина отчасти объясняется тем, что, следуя за своим учителем Андре Мазоном, этот молодой ученый⁶⁷ считал, что «Слово о полку Игореве» — подделка XVIII в.⁶⁸ Так как наличность «Слова о погибели» могла мешать этой гипотезе, то М. В. Горлин постарался доказать, что это лишь вступление к утраченному житию, т. е. вовсе не поэтическое произведение, и что никакой поэтической традиции в древней Руси не было.

Мы полагаем, однако, что «Слово о погибели» следует рассматривать как редкий образец светского, лиро-эпического творчества и что оно и по теме, и по стилю перекликается с подлинным и вдохновенным «Словом о полку Игореве».

Конечно, трудно сравнивать оба «Слова» прежде всего потому, что «Слово о погибели» лишь краткий отрывок, всего 230 слов (считая предлоги и союзы). Следовательно, оно составляет лишь одну двенадцатую часть «Слова о полку Игореве», насчитывающего 2775 слов.

И все же целый ряд сходств связывает эти произведения. Мы уже указали на следующие.

1) Оба произведения носят то же заглавие «Слово», указывающее на их ораторский, декламационный стиль. Оба сложных заглавия довольно схожи в звуковом отношении: «Слово о полку Игореве, Игоря Святославича» — «Слово о погибели Руския земли».

2) Оба произведения написаны свободным ритмом, трудно укладываемым в правильные стихи и все же музыкальным.

3) Оба «Слова» отличаются тем же лирическим чувством красот природы, что весьма редко в современной им европейской литературе.

4) Оба «Слова» прежде всего политические произведения. Говоря о князьях и об их подвигах, они в первую очередь думают о родине, о «Русской земле», что звучит как «Русская держава». Возглас «О Руская земля» звучит в обоих «Словах» как их основной мотив.

5) Оба «Слова» проявляют глубокие исторические знания. Воспевая князей своего времени, певец Игоря уходит и в глубь XI в.: он вспоминает

⁶⁶ Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Руския земли», стр. 542—544.

⁶⁷ М. В. Горлин стал, как еврей, жертвой фашистов.

⁶⁸ М. В. Горлину принадлежит статья, в которой он пытался доказать, что чтение «О Русская земля, то уже как за Соломоном царем побывало» в «Задонщине» вполне осмыслено, а что «за шеломянем» в «Слове о полку Игореве» есть лишь неудачное подражание (см.: M. Gorlin. Salomon et Ptolémée: la légende de Volot Volotovic. — Revue des Etudes Slaves, t. XVIII, Paris, 1938, стр. 41—62).

походы Олега Гориславича и Всеслава, ибо это прямые предки Игоря, грозного Святослава и его жены Марии. Так же автор «Слова о погибели» особенно выдвигает эпоху Владимира Мономаха (отдаленную от него целым веком), ибо это прадед князя Ярослава Всеволодича.

6) Оба поэта пользуются сходными выражениями: «от старого Владимира и до нынешнего Игоря» — «от великого Ярослава... до нынешнего Ярослава». Этим они обнимают каждый два века истории (980—1185 гг. и 1019—1238 гг.).

7) Оба поэта очень внимательны к родословию князей: поэт Игоря называет около 40 князей, принадлежащих к семи поколениям; гораздо более короткий отрывок «Слова о погибели» успел назвать шесть поколений, идя вглубь от Ярослава.

8) Оба поэта удивляют нас своими широкими географическими познаниями. Каждый из них называет по 15 народов, соседей или данников. Но политический кругозор их несколько различен: певец Игоря знает лучше южные и западные народы, следующий певец — северные и восточные. Политический центр Руси передвинулся за полвека на северо-восток.

9) В обоих «Словах» есть легендарные образы в историческом рассказе. С одной стороны, вещий Всеслав и грозный Святослав, «возмутивший реки и болота»; с другой — восхваление безмерной мощи Мономаха.

10) Некоторые выражения весьма близки: например, выразительная тавтология: «один свет светлый ты» — «о светло-светлая», эпитет «грозный» как похвала князьям, в смысле «грозный для врагов», выражение «синее море».

11) Оба поэта охотно пользуются собирательными именами народов: «литва, деремела, хинова» — «литва, мордва, вяда, корела», и образуют редкие патронимические формы: «русичи (русици)» и «тоймичи (тоймицы)». Оба они избегают, однако, двусмысленное слово «Русь» (и народ, и страна) и предпочитают имя «Русская земля».

12) Наконец, оба поэта называют русских просто «христиане», «крестияне», противопоставляя их «поганым», «поганским странам»; в этом они разделяют терминологию летописей.

Эти параллели, к сожалению, не убедили скептиков. Можно указать еще.

1) Прямое обращение: «О светло-светлая и украсно украшена земля Русская, всеми красотами удивлена еси» переключается не только со словами князя Всеволода: «Один свет светлый ты, Игорю», но и с воззванием Ярославны: «Светлое и тресветлое солнце, в сем тепло и красно еси». Это то же объединение понятий «света» и «красоты»; его нельзя считать общим местом.

2) Отметим, что эти обращения построены по тому же ритму: «О... земля Русская, всего исполнена еси» и «О Русская земле, уже за шеломянем еси», солнце «всем тепло и красно еси». Выразительная постановка глагольной формы «еси» в конце фразы вполне совпадает в обоих поэмах.

3) Интересная форма сослагательного наклонения с союзом «абы». В «Слове о погибели»: «абы на них великий Володимер тамо не въехал», «абы под ним Царягорода не взял». То же в «Слове о полку Игореве»: «абы ты сиа полкы ущекотал» (также глагол в конце предложения) и несколько иначе: «а бых не слаа к нему слез на море рано». В житии Александра Невского такой конструкции нет.

4) Оба «Слова» не знают церковнославянских причастий с полным окончанием «-нный» (они есть в житии Александра Невского: «окаянный», «разнуженный», «благословенно»), но охотно пользуются краткой формой для образования страдательного залога: «удивлена еси, всего еси испол-

нена, все покорено было», ср. «мой ти кони оседлани, пути им ведоми», и даже в качестве определений: «украшно украшена земля», ср. «рцы лебеди роспужени, вино с трудом смешено».

5) В деепричастиях любопытно смешение церковнославянских и народных форм. «Слово о погибели» дает: «опас имея» (а не «имеючи»), но «далече будуче». Так же в «Слове о полку Игореве»: «летаая, поборая» (а не «летаючи»), но «аркучи, плещучи». Параллелизм полный.

6) Прилагательные (и притяжательные местоимения) свободно ставятся то впереди, то позади определяемых слов. В «Слове о погибели» мы насчитали 24 случая постпозиции и 14 случаев антепозиции. В «Слове о полку Игореве» — 87 случаев постпозиции, но еще чаще определения стоят впереди (194 случая). Это расхождение объясняется тем, что от «Слова о погибели» сохранился лишь торжественный приступ, где постпозиция имела особенно эмоциональный характер.

7) В обоих «Словах», если объект имеет два определения, они ставятся: одно впереди, другое позади определяемого слова. Сравним «О украсно украшена земля Руская, о правоверная вера христьянская» и «красныя девкы половецкия, храброго полку Игорева, злата стола Киевскаго».

8) Из местоимений отметим пользование редкой формой «который» в соединении с «то»: в «Слове о погибели»: «которым то Половци», в «Слове о полку Игореве»: «которую то бяше успил».

9) Местоимение «тѣй/ты» ясно указывает на отдаленное, прошлое время: сравни «А в ты дни болезнь крестияном, от великаго Ярослава» и «То было в ты рати и в ты полкы».

10) Оба «Слова» любят восклицание «О!»: в «Слове о погибели», при всей его краткости, мы найдем два случая: «О светло-светлая» и «О правоверная вера»; в «Слове о полку Игореве» мы встретим девять таких восклицаний, из которых два обращены тоже к Русской земле.

11) Отметим еще весьма частое пользование союзом «а» (не считая «абы»). В «Слове о погибели» он встречается три раза, в «Слове о полку Игореве» — 56 раз. Любопытно, что в обеих поэмах этим союзом могут начинаться совершенно новые предложения, без видимой связи с предыдущим. Сравним: «А в ты дни болезнь» и «А Святослав мутен сон виде», «А въстона бо, братие, Киев» и т. п.

12) Наконец, очень важно сходство основного словарного фонда. Мы уже отмечали, что в обоих произведениях названо по 15 народностей, из них семь названий совпадают.⁶⁹ Если же обратимся к нарицательным существительным, то мы увидим, что их в «Слове о погибели» 37, из них 24, т. е. две трети, можно найти в «Слове о полку Игореве», а с житием Александра Невского совпадает лишь 14, почти вдвое меньше.

Повторяем, «Слово о погибели» относится к той же литературной школе дружинного лиро-эпического творчества, что и «Слово о полку Игореве», и с этой точки зрения оно заслуживает внимания и изучения. От жития Александра Невского оно весьма далеко по стилю и по словарю. Вопрос о том, знал ли автор «Слова о погибели» предыдущее «Слово» и подражал ли ему, решить трудно. Может быть, знал, а может быть, и не знал. Во всяком случае, пользуясь сходными литературными приемами, он создал «торжественный гимн, в котором оплакивает исчезнувшее могущество государства»,⁷⁰ нечто единственное в европейской литературе того времени.

⁶⁹ А. В. Соловьев. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — ИЗ, т. 25. М., 1948, стр. 102.

⁷⁰ По словам В. Филиппа (Werner Philipp. Ansätze zum geschichtlichen und politischen Denken in Kiewer Russland. Breslau, 1940, стр. 59).

«Слово о погибели» является лебединой песнью,⁷¹ предсмертным ключем высокой культуры Киевской Руси, но вместе с тем, начертав бессмертный образ родины, оно стало политическим завещанием для Александра Невского и его потомков и для медленного возрождения Русской земли. Потому-то позднейшие книжники справедливо приставили его к житию Александра Невского и тем спасли от исчезновения.

10. Новое мнение В. Филиппа о «Слове о погибели»

Наши «Заметки» были уже сданы в печать, когда мы получили оттиск новой работы берлинского профессора Вернера Филиппа, посвященной отношению «Слова о погибели Русской земли» к житию Александра Невского.⁷² Большой знаток древнерусской политической литературы, В. Филипп еще в 1940 г. имел гражданское мужество рассказать о ее богатстве и о наличии в ней сильной патриотической идеи.⁷³

На X международном съезде историков в Риме в сентябре 1955 г. В. Филипп прочел доклад «О начале политической историографии в России», в котором правильно указал, что такие жития, как жития Александра Невского, Довмонта Псковского, Михаила Тверского, выходят из рамок агиографии и проникнуты светским, политическим элементом, как и житие Даниила Галицкого в Ипатьевской летописи.⁷⁴

В своей новой статье он подробно и убедительно доказывает, что гипотеза Н. И. Серебрянского о «светском житии» Александра Невского, вступлением к которому было-де «Слово о погибели», столь же мало обоснована, как и схожая гипотеза М. Горлина о «светском житии» Ярослава Всеволодича с тем же вступлением. В. Филипп правильно указывает, что наличное житие Александра не является результатом переделки, а первично и органично — оно представляет новый литературный жанр, в котором светские мотивы — описание подвигов князя — тесно сплетены с церковной окраской стили. «Слово о погибели» сильно отличается от этого жития своим поэтическим характером и широтой политического кругозора («земля Русская», а не «земля Суздальская»).

К сожалению, после этой блестящей критической части положительные домыслы В. Филиппа не столь удачны. Ему кажется, что Юрий Всеволодич упомянут еще как живой, поэтому датой создания «Слова» можно считать время между 1212 г. (вступление Юрия II на престол) и 1223 или 1238 г. Оно создано в окружении Ярослава Всеволодича, скорее всего в Новгороде, хотя решение вопроса о месте написания «не столь важно», ибо «Слово о погибели» посвящено не одной области Руси, а «Русской державе как целому» (*dem russischen Reich als Ganzem*). Это замечание справедливо, но с датировкой нельзя согласиться. Автор считает возможным отодвигать дату создания «Слова» к годам до татарского нашествия на основании явившегося у него странного толкования слова «погибель».

Он подхватил брошенную М. Б. Горлиным мысль о том, что слово «погибель» имело будто бы в древнерусском языке и смягченное значение — «опустошение», «ущерб» (*dévastation, dégât*), причем Горлин не

⁷¹ В. М. Истрин назвал «Слово о погибели» «лебединой песнью северо-восточной литературы первого периода» (В. М. Истрин. Из области древнерусской литературы. — ЖМНП, 1905, август, стр. 267). Это название кажется нам слишком сложным.

⁷² Werner Philipp. Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» zum «Žitie Aleksandra Nevskogo». — Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte, Bd. 5. Berlin, 1957, стр. 7—37.

⁷³ Werner Philipp. Ansätze zum geschichtlichen und politischen Denken im Kiewer Russland.

⁷⁴ Atti del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Roma, 1955, стр. 819—821.

ссылается ни на какой источник.⁷⁵ Однако мы уже приводили примеры того, что в языке летописи и других древнерусских памятников «погибель» имеет всегда смысл «разрушение», «уничтожение» — ἀπόλεια, ὀλεθρος. Владимир Мономах восклицает в 1097 г., узнав о страшном злодеянии — ослеплении Василька: «аще сего не поправим, больше зло встанеть в нас, и начнет брат брата закалати, и погибнет земля Русьская, и врази наши половци пришедше возьмутъ землю Русьскую». Ясно, что «погибель» есть потеря свободы, гибель государства. Так, Гектор предрекал:

Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам, и народ копыеносца Приама.

(Илиада, VI, 448—449).

Особенно важно, что в «Повести о разорении Рязани Батыем» слова «погибель», «погибнуть» встречаются семь раз, и всегда в самом сильном смысле: «Виде князь Ингварь Ингоревичъ великую конечную погибель», «кто бо не восплачется толикия погибели?», «все узорочье рязанское, иже вскоре погипе», «погипе град и земля Рязанская», «скоро погипли есте», «да бых не видел смерти вашей, а своя погибели!», «день, в он же погипе толико господарей и многое узорочье рязанское, храбрых удальцов». Это слово было у всех на устах в годы татарской грозы: в Галицко-Волынской летописи говорится, что пленный тысяцкий киевский Димитрий «виде землю гибнущу Рускую от нечестивого» — в этих трех словах заключено заглавие нашего «Слова».

Певец «Слова», столь горячо вспоминающий Мономаха, как бы отзывается на его предсказание: князья не послушались мудрого призыва, враждовали «в ты дни» — и до вокняжения Мономаха и после его смерти «до нынешнего Ярослава», и наконец гибнет земля Русская, т. е. ее державная свобода и величие; пришли не половцы, а еще более страшные татары, и «пришедше взяли землю Рускую».

Однако В. Филиппу понравилась мысль М. Горлина: «погибель» есть лишь «ущерб» (dégât), и он заменяет свой прежний перевод «Das Lied vom Untergang» новым «Das Lied vom Niedergang» (Песнь о нисхождении, ослаблении Русской державы). В. Филиппу кажется, что «погибель», которую собирается воспеть певец, это то же, что «болезнь крестьяном от великого Ярослава», и что под «погибелью» певец понимает всю эпоху междоусобиц от 1054 до 1212 или 1223 г.

Автору кажется, что заглавие «Слово о погибели Руския земли по смерти великого князя Ярослава» первоначально и что певец собирался воспеть весь удельный период от 1054 г. как медленное «нисхождение Русской державы» по смерти Ярослава Мудрого! Это открытие неудачно: нельзя себе представить певца, который будет излагать в стихах двухвековой период ослабления государства; каждое эпическое произведение вдохновляется ярким событием — победой или поражением, а не историческим процессом, что может служить темой лишь для ученого трактата. А во вторых, все сохранившееся начало «Слова о погибели» резко противоречит гипотезе В. Филиппа: оно рисует величие Русской земли при ее великих князьях — Всеволоде III (1178—1212), отце его Юрии Долгоруком (умер в 1157 г.) и деде его Владимире Мономахе (1113—1125): тогда все поганские страны были покорны христианскому русскому народу, тогда

⁷⁵ Он утверждает, что так и в современном языке, глухо говоря: «свидетель Даль» (témoin Dahl: M. Gorlin, RES, XXIII, стр. 32). Однако у Даля (Толковый словарь, т. III, стр. 391) мы найдем: «Погибель, ж. гибель, пропажа, истребление, уничтожение; смерть; крайняя опасность. беда, напасть или пагуба», со многими примерами; никакого «ущерба» мы не находим. Ссылка Горлина просто неверна.

его боялись и литва, и венгры, и сам царь Мануил. По гипотезе же В. Филиппа выходит, что вся эта славная эпоха есть лишь медленная «погибель» — нисхождение, неуклонный регресс после смерти Ярослава Мудрого (1054 г.).⁷⁶

Эту смелую гипотезу В. Филипп хотел бы подтвердить палеографическими данными: он настаивает на том, что подлинное заглавие было «Слово о погибели Руския земли по смерти великого князя Ярослава», несмотря на то что Лопарев выяснил, что буква «П» переделана из омеги. В. Филипп не соглашается с Лопаревым и указывает, что в палеографии Е. Ф. Карского можно найти букву «п», нижняя часть которой похожа на омегу.⁷⁷ Однако он не заметил того, 1) что у Е. Ф. Карского это единственное «п» скорописное, а заголовок «Слова» писан уставом, в котором такое «п» невозможно, и 2) что над переправленным «П» стоят две «каморы» (дужки), а каждому, кто занимался славянской палеографией, известно, что эти дужки отвечают греческим придыханиям с ударением (как ѿ, оѿ, ѡ) и, как в греческом письме, могут стоять лишь над гласными и в начале слова, а никак не над согласной.⁷⁸ Именно эти две дужки подтверждают наблюдение Х. М. Лопарева: в протографе Печерского списка стояло: «Слово о погибели Руския земли и о смерти великого князя Ярослава»;⁷⁹ печерский писец так и написал, но не найдя в тексте второй статьи, решил изменить «и о смерти» в растяжимое «по смерти»,⁸⁰ поскольку дальше житие Александра говорило и о событиях после смерти его отца.

Итак, мы не можем согласиться с В. Филиппом и продолжаем считать, что Х. М. Лопарев правильно истолковал заглавие «Слова о погибели».

⁷⁶ Все это происходит от смешения понятий «болезнь» и «погибель», между тем это совсем разные вещи: «болезни» могли быть и до Мономаха и после него, но «погибель» наступила в 1237—1240 гг. Если человек «болен», то это вовсе не значит, что он «погиб».

⁷⁷ В. Филипп ссылается на Е. Ф. Карского (Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 197) и приводит даже снимок этих скорописных «п».

⁷⁸ На той же странице Печерского списка мы найдем еще 11 раз эти две дужки: 3 раза над омегой, 2 раза над «о», 6 раз над «оу», всегда в начале слова.

⁷⁹ Отметим, что в слове «ЗЕМЛИИ» «м» вынесено над строкой, а после уставного «Л» стоят три черты, которые должны обозначать два «И»; и тут писец старался переправить заглавие.

⁸⁰ Вправо от этого нового «П» стоит маленькое выносное «о», что совершенно необычно; ясно, что в протографе было «ѿ СМЕРТИ», но копист переправил омегу на «П» и прибавил справа вверху не уместившееся в строке «О».